Горький квест. Том 2

Автор:
Александра Маринина

Горький квест. Том 2

Александра Маринина

Горький квест #2

Один из самых необычных романов Александры Марининой. При подготовке к его написанию автор организовал фокус-группы, состоящие из молодых людей, никогда не живших в СССР. Цель – понять, как бы они поступили в той или иной ситуации, если бы на дворе были 70-е годы прошлого столетия.

Представьте, что вы оказались в СССР. Старые добрые семидесятые: стабильность и покой, бесплатное образование, обед в столовой по рублю, мороженое по 19 копеек… Мечта?! Что ж, Квест покажет… Организаторы отобрали несколько парней и девушек для участия в весьма необычном эксперименте – путешествии в 1970-е годы. В доме, где предстоит жить добровольцам, полностью воссоздан быт эпохи «развитого социализма». Они читают пьесы Максима Горького, едят советские продукты, носят советскую одежду и маются от скуки на «комсомольских собраниях», лишенные своих смартфонов и прочих гаджетов. С виду – просто забавное приключение. Вот только для чего все это придумано? И чем в итоге закончится для каждого из них?

Александра Маринина

Горький квест. Т. 2

© Алексеева М.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Записки молодого учителя

Меня спасли олимпиада и Алка. Нет, не та Олимпиада, которая демонстрирует достижения мирового спорта, а самая заурядная, городская, по иностранным языкам. Я не очень вдумывался, почему на эту олимпиаду послали именно меня: учился я хорошо, даже, можно сказать, очень хорошо, но в нашем классе были ученики и получше. Во всяком случае, человека три-четыре уж точно владели английским свободнее и вообще были умнее и способнее всех наших ребят. Но отправили меня. А я что? Сказали «поехать и защищать честь школы» – я и поехал. Тем более с утра, то есть вместо уроков, чем плохо? О подоплеке я тогда не задумывался. И только спустя много времени, когда случайно столкнулся с нашей англичанкой в книжном магазине на улице Горького, неподалеку от нашей бывшей школы, выяснилось, почему она рекомендовала меня для участия в той олимпиаде.

– Для мальчика с таким мышлением, как у тебя, участие в городской олимпиаде было бы совсем не лишним для поступления в институт, – скупо улыбнувшись, объяснила учительница.

– А какое у меня мышление? – спросил я.

– Протестное.

Я учился в тот момент уже на четвертом курсе МГИМО и про свое протестное мышление все понимал, но мне стало интересно: неужели это было так заметно еще в десятом классе?

– Не знаю, как другим учителям, но мне было заметно. – Англичанка снова улыбнулась. – Я подумала, что упоминание в характеристике факта твоего участия в языковой олимпиаде тебе не повредит, особенно если ты позволишь себе некоторое отклонение от канонов при ответах на вступительных экзаменах.

«Некоторое отклонение от канонов»! Я восхитился изящным эвфемизмом и одновременно мысленно обругал себя за то, что в школьные годы считал эту учительницу злобной и вредной. Впрочем, так считали все десять человек в нашей группе, одной из трех, на которые разделили класс для изучения иностранного языка. А она, оказывается, вон какая…

Но в шестнадцать лет я ничего этого не понимал, вопросов не задавал и с тупой покорностью потащился с утра пораньше в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, где и проходила городская олимпиада школьников по иностранному языку. Выполнил письменный перевод, поговорил с членами комиссии на тему «Красная площадь – сердце нашей Родины» и отправился в гардероб за курткой.

– Отстрелялся? – спросила меня симпатичная полненькая девчонка, одновременно со мной натягивавшая красивый блестящий плащик.

– Угу, – кивнул я.

– Ты с какого потока? С немецкого? Я тебя в зале вроде не видела…

– С английского. А ты с немецкого?

– Ну да. Тебе какой устный вопрос достался?

– «Красная площадь», а тебе?

– Серьезно? – Девчонка расхохоталась. – И мне тоже! Надо же, какое совпадение!

Мне почему-то тоже стало очень весело. Мы вместе вышли на улицу, оживленно болтая, долго ждали автобус, потом решили идти до метро пешком, потом еще немного погулять, и еще немного, и еще… Девчонка по имени Алла училась в немецкой спецшколе, и мы с упоением делились впечатлениями и сравнивали, как и что нам преподавали на уроках соответственно английской и немецкой литературы, а также рассказывали друг другу одни и те же темы, открывая для себя удивительный (на тот момент с учетом нашего возраста и наивности) факт, что в обратном переводе на русский язык наши рассказы на английском и

немецком звучали подозрительно одинаково. Рассказы эти, так называемые «топики», раздавались нам учителями, мы должны были вызубрить их наизусть, а впоследствии оттарабанить на выпускных экзаменах. Правда, были две темы, которые мы должны были написать самостоятельно: «Мой любимый писатель» и «Мой любимый художник». С писателями все было просто: пишешь первую фразу «Мой любимый писатель такой-то», потом открываешь учебник английской литературы, переписываешь своими словами биографию и характеристику творчества и выучиваешь назубок. С художником оказалось чуть сложнее, нужно было переводить с русского, из статьи в энциклопедии, но тоже некритично. В итоге после четырехчасового шатания по улицам мы с Алкой пришли к выводу, что почти все тексты для устных ответов были написаны и разосланы для перевода на все языки, преподававшиеся в наших школах. И про сердце нашей Родины все школьники страны должны были рассказывать одинаково независимо от того, какой иностранный язык они изучали в школе.

Алка жила довольно далеко, в Бескудникове, но я все равно потащился провожать ее: очень уж жаль было расставаться с такой веселой и симпатичной девчонкой. День был холодным, дул пронизывающий ветер, в какой-то момент зарядил дождь, Алка накинула на голову капюшон, а у моей легкой курточки никакого капюшона не было, я шел с непокрытой головой, и вода затекала за ворот, но я ничего не замечал.

Заметить, однако, пришлось уже к вечеру. Разболелось горло, голос осип, начался озноб. Утром стало понятно, что болезнь разгулялась всерьез. Сестра ушла в школу, родители отбыли на работу, а я принялся старательно болеть и ждать участкового врача, которого вызвал по телефону.

А на уроках русской литературы моим одноклассникам как раз в это время «давали» Горького. Первые пару дней высокая температура заставляла меня почти все время спать, однако уже на третий день родители строго потребовали, чтобы я начинал каждый день делать уроки, иначе сильно отстану по программе, а в выпускном классе подобный риск непростителен. Плохая подготовка, провал на вступительных экзаменах в институт, армия… Далее следовал подробный перечень кошмаров, включая традиционное для нашей семьи обещание, что я буду «мести улицы», потому что за время армейской службы начисто забуду всю школьную программу, никуда не смогу поступить, останусь без образования и без «хорошей работы». Под хорошей работой у моих родителей подразумевалось то, что принято было считать престижным в их кругах – кругах партийных и советских работников. У меня насчет «хорошей

работы» мнение было несколько иным уже тогда, но я молчал, не смея протестовать. Так что я честно звонил своему другу-однокласснику и спрашивал, что по какому предмету задано, читал, вникал, решал задачки, писал упражнения и конспекты. Когда Славка сказал, что по русской литературе начался Горький, я решил, что прочитать учебник успею потом, много времени на это не потребуется, а пока можно почитать произведения великого пролетарского писателя, потому что учебник – это, конечно, хорошо, но написать сочинение, не зная первоисточника, невозможно. Дома в книжном шкафу стояло собрание сочинений Горького. Я не стал морочиться с тем, чтобы выяснить, какие именно произведения мы будем проходить, и начал читать наугад. Доставал том и смотрел содержание: если там были статьи, дневники или письма – ставил снова на полку, если художественное – уносил к себе в комнату.

Первым произведением Горького, которое я прочел, был роман «Дело Артамоновых». В общем-то про Горького я слышал с самого рождения, и имя его обязательно упоминалось в связке со словами о революции и ведущей роли пролетариата, поэтому я был настроен на то, что прочитать мне предстоит нечто весьма пропагандистское, похожее на те статьи классиков марксизма-ленинизма, которые нас заставляли конспектировать на уроках истории и обществоведения, уже заранее внутренне морщился и кривился и утешал себя привычным и скучным словом «надо». Надо, иначе не сдашь ни выпускные экзамены, ни вступительные.

Когда я перевернул последнюю страницу, мне показалось, что меня обманули. Еще и еще раз перечитал последние слова, которыми заканчивается роман: «Не хочу. Прочь». Слова, произнесенные с лютой яростью. Как?! Это все?! Как будто я смотрел невероятно увлекательный фильм, и вдруг пленка оборвалась, и киномеханик сообщает, что «кина не будет». Растерянность от неожиданного окончания текста через несколько минут сменилась удивлением: мне было больно. Сейчас смешно об этом рассказывать, но тогда я буквально чуть не плакал. Мне было жалко Петра Артамонова, который всю жизнь страдал от того, что «не понимал» ни самого себя, ни окружающих его людей, ни жизни вообще. Тому, что в название книги выносится либо тема, либо проблема, нас учили еще в девятом классе, и я призадумался: слова «Дело Артамоновых» обозначают проблему или тему? Если тему, то в сочинении придется писать о том, что само по себе дело, то есть становление фабрики и ее развитие, является самостоятельным и даже главным героем романа и все вокруг этого. Если же это проблема, то придется рассказывать о том, как капиталистическое производство калечит души и сердца людей. Алгоритм «правильного чтения и правильного понимания» был вбит в нас намертво, и все эти нехитрые правила понимали

даже троечники, а я был все-таки отличником, да и вообще мальчишкой неглупым. И давно уже научился подавлять в себе раздражение, вызываемое навязшими в зубах формулировками об обличении буржуазии, дворянства, мещанства, о загнивающем капитализме и прочем.

Получалось, если судить по названию романа, Горький хотел написать книгу именно о «деле». Но во мне, шестнадцатилетнем, ослабленном высокой температурой, в тот момент взыграла сентиментальность: из головы моментально выветрились все упоминания (надо заметить, весьма немногочисленные) о рабочем движении и о деятельности полиции по выявлению и искоренению революционно настроенных активистов, зато с каждой минутой все ярче и ярче вставал перед глазами образ несчастного человека, доброго и хорошего от природы, но лишенного возможности любить и способности понимать. Он ведь готов был любить Наталью, свою жену, и то, что между ними какое-то время происходило, вело, казалось, к благополучному развитию: сидели они рядышком по вечерам в своей комнате, смотрели в окошко и рассказывали друг другу, как день прошел… Помнится, на этом месте я так обрадовался! Очень мне хотелось, чтобы брак у Петра Артамонова оказался если не счастливым, то хотя бы просто удачным. Ан нет. Наталья мужа только терпела, а засматривалась на его двоюродного брата Алешу. Зато родной брат Петра, горбун Никита, любил Наталью именно такой любовью, о которой, наверное, мечтают все девчонки: восхищенной, нетребовательной, безоговорочной, преданной. В общем, бабский сироп. Когда я читал о том, что Никита пытался повеситься, поняв, что Наталья плохо к нему относится и считает неприятным, мне почему-то не было жалко горбуна. А вот Петра было жалко на протяжении всей книги. И особенно – в тот момент, когда он с отчаянием чувствовал, что не может найти правильных слов, чтобы объяснить сыну-подростку, отчего поступок мальчика дурен, и принимает решение: бить. «Он не находил, что и как надо сказать сыну, и ему решительно не хотелось бить Илью. Но надо же было сделать что-то, и он решил, что самое простое и понятное – бить». Это было в первый раз, когда Артамонов поднял руку на сына. А жену Наталью он поколачивал и до этого, затылком об стену бил. Но схватить за горло взрослую женщину в представлении Петра было не тем же самым, что оттаскать за вихры десятилетнего мальчика. И Петр искренне мучается, страдает, понимая, что убеждение словом лучше и правильнее, нежели рукоприкладство, и осознавая, что действовать словами у него не получается. И никак не может понять, почему же это не получается. Он не понимает смысла, не видит глубину, не чувствует внутренних механизмов. И почему-то мне было до слез жалко этого Артамонова, всю жизнь несущего на себе непосильный для него груз ненужного и непонятного дела и непонятных ему самому чувств,

которым он не может даже названия дать. Потолок его понимания – скука. Скуку он понимает, а чуть дальше – уже нет. Поэтому он не понимает одиночества. И не понимает любви.

Я решил дать роману отлежаться в моей воспаленной голове, не делать скоропалительных выводов и почитать еще что-нибудь. Взялся за «Фому Гордеева». Правда, Славик сказал, что русичка велела читать «Мать» и «На дне», но я уже понимал, что в школу меня выпишут не скоро, обычная, на первый взгляд, ангина протекала с осложнениями, участковому врачу не понравилось мое сердце, так что времени у меня впереди было достаточно, чтобы успеть прочитать не только то, что требуется по программе. Тем более если велено читать «Мать», то это уж наверняка про революцию. «Мать» подождет.

«Фому Гордеева» я прочитал за два дня и вынес твердое убеждение в том, что оба романа – об одном и том же: о том, что непонимание порождает стремление применить силу, ударить, разрушить, убить. Особенно меня поразила сцена на теплоходе, когда Гордеев начинает выкрикивать в лицо присутствующим обвинения в разных преступлениях, в том числе в мошенничестве, растрате, растлении малолетних и даже убийстве. Ведь по тексту было совершенно понятно, что все эти преступления не являются ни для кого тайной, все прекрасно о них осведомлены, так что о публичном разоблачении речь не идет. Я читал сцену и недоумевал: зачем он это делает? В чем смысл говорить с пафосом о том, что и без того всем давно и без сомнений известно? И вдруг Горький сам объясняет: Гордеев хотел их унизить. «В нем, из глубины его души, росло какое-то большое, горькое чувство; он следил за его ростом и хотя еще не понимал его, но уже ощущал что-то тоскливое, что-то унизительное…» А перед этим, когда Фому схватили и оттащили, написано: «Теперь настала очередь издеваться над ним». Настала очередь. Значит, до этого издевался над присутствующими и унижал их сам Гордеев. Вот оно! Глухое тоскливое отчаяние непонимания доводит человека до желания унизить других. И что же потом? «Сам себе он казался теперь чужим и не понимающим того, что он сделал этим людям и зачем сделал». А ведь Фома с самого начала романа показан умным, хорошим, добрым… Книг вот только не читал, реальное училище окончил и на этом свое образование завершил. И вся книга описывает путь, по которому хороший изначально человек приходит к насилию «от бессилия» и отчаяния. Пусть это насилие не физическое, а словесное, сути это не меняет. Гордеев доходит до бессмысленной акции протеста, Петр Артамонов совершает убийство подростка, проявления разные, но корень у них один: вязкая душная тоска непонимания. Вот о чем эти романы, а вовсе не о революции и не о

пролетариате!

Сейчас, когда мне двадцать три года, немного смешно вспоминать об этих моих восторгах первооткрывателя, таких детских и наивных. Теперь-то мне понятно, что именно непонимание и нежелание встраиваться в существующие правила игры были (и остаются) моим больным местом, но в десятом классе я еще не осознавал это так, как осознаю сегодня. В «Деле Артамоновых» я увидел в первую очередь то, что назревало и болело у меня внутри, и в «Фоме Гордееве» я, находясь под влиянием «Дела», тоже подсознательно выискивал и, разумеется, находил то, что откликалось в сознании. В этих романах, кроме непонимания, есть еще очень много другого, важного и интересного.

Потом я прочитал пьесы, оставив «На дне» и «Мать» на самый конец. Оба эти произведения были «по программе», и из-за этого я инстинктивно пытался оттянуть неизбежное «скучное». Покончив с крупными формами, взялся за остальное, которое тоже задавали: рассказы, сказки, «Песни». С этим я справился довольно быстро, после чего наконец соизволил открыть учебник.

Могу сказать правду: в тот момент я немного, тайком, гордился собой, будучи уверенным, что вот сейчас на страницах учебника, написанного умными и учеными людьми, я прочту то, до чего дошел сам, своим умом и без подсказок. Я предвкушал свой восторг и готовился к нему, как ко дню рождения. Каково же было мое разочарование, когда ничего этого я в учебнике не увидел… Все те же унылые слова про «обличение загнивающего» и «загнивание обличенного». Учебник гласил, что идея романа – идея исторической закономерности, необходимости и неизбежности пролетарской революции, обусловленной, с одной стороны, процессом разложения и распада господствующего класса, а с другой – ростом политической активности, сознательности и организованности пролетариата, возглавляющего широкие народные массы. А про Петра Артамонова, при мысли о котором мне хотелось расплакаться, было написано, что «постепенно и неотвратимо он превращается из простого парня в собственника – в алчное, преступное, пьяное и распутное чудовище». И ни одного даже полунамека на мысль о том, что умственная и душевная глухота порождают только злобу и тупое насилие. Насчет «Фомы Гордеева» учебник сообщал, что Горький выписал типические фигуры капиталистов, что Фома не успел превратиться в хищного стяжателя и что бунт его бесцелен и бесплоден. Да уж… Если бы я поступил так же, как обычно, то есть сперва прочитал бы учебник, то ничего другого в первоисточнике наверняка не заметил бы, с мучительной скукой продираясь сквозь обязательный к изучению текст.

Понятно, что к родителям со своим недоумением я соваться не стал. В шестнадцать лет я уже довольно отчетливо понимал и расклады, и правила. Но была еще жива бабушка Ульяна, мамина мама, которая гордо называла себя ровесницей века и про которую говорили, что она «видела самого Ленина». Насчет ровесницы века – это правда, бабушка родилась в 1900 году, и когда я учился в десятом классе, ей исполнилось 72. Она была жесткой, несговорчивой и казалась всегда сердитой, но при всем том я считал ее единственным безопасным собеседником: может, она и на смех поднимет, причем довольно грубо, и отругает, и даже накричит, но уж точно не стукнет на меня ни родителям, ни школьным учителям. Вообще никому. Наша Ульяна Макаровна – кремень, ее даже чекисты не сломили, когда она в середине 1930-х годов явилась к ним «сдаваться», держа в руках узелок с теплыми вещами, сухарями и завернутым в бумажный кулечек сахаром: понимала, что после ее признаний может немедленно заслужить ярлык «врага народа» и получить срок в лагерях, а то и расстрел. Но внутренняя твердость, убежденность в собственной честности и искренняя горячая вера в дело партии и народа были в бабуле настолько сильны, что стали очевидны даже тем, кто ее допрашивал. Ей поверили и отпустили.

Бабушка жила с нами, делила комнату с моей младшей сестрой, названной Ульяной и в честь самой бабушки, и в честь Ленина. Осторожно, стараясь тщательно выбирать слова, я поделился с бабулей своими впечатлениями от прочитанного. Реакция меня ошеломила.

– Горький не мог такого написать! – категорично заявила она. – Горький писал о том, что рабочий человек – единственный носитель правды и двигатель человечества по пути к светлому будущему, так и знай!

– Но в «Фоме Гордееве» рабочих вообще нет, – попытался возразить я, – там одни купцы, фабриканты, журналист еще есть…

– Вот он и показывает, какие они все насквозь гнилые и как их общество разлагается, – отрезала бабушка. – Несправедливое общество даже хорошего человека превращает в изверга и выродженца. Именно этот закон диалектики Горький и утверждает в своих произведениях.

Я быстро свернул дискуссию, поняв, что бабушка, всю сознательную жизнь строившая сначала социализм, потом коммунизм, вряд ли поймет мои порывы. Когда меня выписали, я пришел в школу и принялся осторожно прощупывать

почву среди одноклассников. Начал, само собой, с друга Славика, который на мой вопрос, все ли из заданного он прочитал, только сморщился:

– Начал и бросил. Скукотища, я в учебнике почитал, там все про революцию.

– А как же сочинение писать собираешься?

– Да подумаешь, большое дело! Я и «Войну и мир» не осилил, тягомотина сплошная, а сочинение написал. Ну да, на тройку, но написал же.

– А если контрольная по содержанию?

– А ты на что? – лукаво усмехнулся Славик. – Подскажешь. Ты же всегда все знаешь.

Со Славиком мы сидели за одной партой во всех кабинетах, то есть на всех уроках, кроме английского: мы были в разных группах. На уроках же английского рядом со мной сидела «твердая хорошистка» Женечка, про которую я знал только три вещи: первая – ее дедушка член ЦК КПСС; вторая – она умная и способная, но ей лень напрягаться и учиться так, чтобы быть круглой отличницей; и третья – больше всего на свете она любит читать книги про любовь. Когда прозвенел звонок, возвещавший окончание урока английской литературы и начало большой перемены, я спросил Женечку, небрежно запихивавшую в портфель учебник и толстую тетрадь для конспектов:

– Ты Горького прочитала?

– То, что задавали? Прочитала, а что?

– А «Дело Артамоновых» читала?

– Так не задавали же… Чего я буду время тратить на эту лабуду? Пусть скажут спасибо, что я по диагонали пробежала хотя бы то, что на уроке спросят.

– А зря. – Я коварно понизил голос. – Там такая история про любовь!

В глазах Женечки загорелся неподдельный интерес.

– Точно? Не врешь?

Внезапно мне стало скучно. Скучно от всего: от школы, от уроков, от самой Женечки. Еще несколько секунд назад я собирался «втереть» ей необходимость прочесть роман, в котором любовная линия, конечно, есть, но выписана коротко, крупными скупыми мазками, и занимает не так уж много места. Зачем? Чтобы получить в свои ряды еще одного сторонника – человека, который осознает, что на самом деле в книгах написано не только то, о чем говорится в учебниках, а может быть, и совсем не то? Ну и что изменится, если Женечка прочтет «Дело Артамоновых»? Ничего. Все равно мне придется и в сочинениях, и в устных ответах говорить так, как нужно, а не так, как я думаю. «Мести улицы» мне не хотелось… Но запретить мне мечтать не мог никто.

И я начал то и дело представлять себе, как я работаю в школе, преподаю русскую и советскую литературу в старших классах и помогаю своим ученикам увидеть в классических произведениях не только то, о чем написано в учебнике…

* * *

Спал я плохо. Сначала долго не мог уснуть, а проснулся без четверти пять. Выпил кофе, оделся и решил прогуляться до озера, сожалея, что так рано и Назар наверняка еще не встал. Неожиданно для себя самого я очень привязался к нему, часто нуждался в его присутствии и начинал скучать, когда его не было рядом. Жена Назара совершенно точно определила его манеру общения, назвав ее «информационной экономностью»: он никогда не задавал вопросов из чистого любопытства и не грузил собеседника разговорами о том, что не являлось важным в данный момент. Элла мимоходом заметила, что воспоминания о семидесятых годах открыли какую-то старую рану Назара, поэтому его и заинтересовал мой проект, но что это за рана – я пока так и не узнал. Спрашивать было неловко, да и не к месту, а сам Назар молчал об этом. Не могу сказать, что я умирал от желания узнать: мой образ жизни привел к тому, что я давно уже перестал испытывать жгучий интерес к жизням других людей, но сам факт того, что Назар о чем-то умалчивает, я трактовал как проявление то ли недоверия ко мне, то ли желания сохранить между нами дистанцию. Но даже несмотря на это, я испытывал к отставному полковнику и огромное уважение, и горячую благодарность за помощь и поддержку, и теплую дружескую привязанность.

Утро выдалось прохладным, жара настанет ближе к обеду, и я в полной мере насладился прогулкой по совершенно безлюдному поселку, похожему на обветшавший городок. Яркие, не успевшие потускнеть вывески выглядели на обшарпанных фасадах так же нелепо, как тканевые салфетки на полированной поверхности журнального столика в моей гостиной. Выбитых плиток на тротуарах было намного больше, чем лежащих ровно, а между кирпичными трехэтажными домами и блочными пятиэтажками то и дело обнаруживался совершенно покосившийся деревянный домишко с окнами без стекол и давно рассохшимися рамами.

Но озеро было дивно красивым. Здесь действительно можно построить настоящую курортную зону. Я посидел на берегу, в изящной деревянной беседке, которая могла бы считаться даже красивой, если бы не облупившаяся и висящая безобразными струпьями краска, посмотрел на воду, отдохнул и отправился в обратный путь. В начале восьмого я уже входил в столовую, наполненную звуками громыхающей посуды и запахами молочной каши и свежей выпечки.

– С добрым утром, товарищ директор! – весело поприветствовала меня Надежда. – Вы сегодня первый, никто еще на завтрак не приходил. Чем вас накормить?

– А что есть?

Этому вопросу, который был знаком каждому советскому человеку в период застоя, меня научил все тот же Назар. Крайне редко можно было попросить то, что хочешь, и получить это. Обычно приходилось выбирать из того, что есть.

– Есть кашка овсяная молочная, рисовая тоже молочная, сырнички со сметанкой. Сосиски даже не предлагаю, мясо – еда не утренняя, но если вы хотите…

– Нет-нет, не хочу. Если можно, сырники, они у вас чудо как хороши, я вчера пробовал.

– Идите в кабинет, садитесь, сейчас все принесу. И кофе?

– Только если сами сварите, – улыбнулся я.

Этому меня тоже научил Назар, рассказавший, что кофе в советских столовых варили не из молотых зерен, а невесть из чего, причем не порционно, а в огромных кастрюлях, потому и кофе этот назывался в народе «котловым». Но для руководства, питающегося в отдельных кабинетах и по отдельному меню, разумеется, готовили, как положено, используя кофеварки или джезвы.

Через общую комнату я прошел в дальнюю часть, где находился «кабинет для руководства», и уселся за покрытый белоснежной хрустящей скатертью стол. В этом помещении Надежда кормила только Назара и меня, все сотрудники, имеющие подопечных, должны были пользоваться общей комнатой. Сырники были изумительными, как и ожидалось, кофе – вполне удовлетворительным, я расслабился, и когда около половины восьмого за стол напротив меня уселся Назар, мое ночное беспокойство почти совсем растворилось в усталости от прогулки и сытости от вкусного завтрака.

– Как спал? – спросил он бодро.

– Не очень, – честно ответил я. – Волнуюсь немножко.

– Это нормально, так и должно быть. Хочешь, отвлеку тебя для успокоения нервов?

– Чем?

– Опытом.

– В смысле – экспериментом? – уточнил я.

– Нет, дружище Дик, тем опытом, который является источником знаний о жизни. Я попросил Надюшу принести мне три сырника.

– И что?

– Два из них изготовлены для руководства, а один – с той сковороды, которая для всех. Хочу попробовать. Можешь присоединиться, я готов поделиться, разрежем сырничек пополам.

– А зачем? – не понял я.

– Хочу почувствовать разницу.

– А она есть?

– Вот и увидим. Если ее нет, значит, наша Надюша халтурит. А вот если есть, то ты еще кое-что поймешь из нашей прошлой жизни.

Надежда внесла поднос с завтраком для Назара. Он честно разрезал ножом одиноко лежащий на отдельной тарелочке творожный блинчик ровно пополам. На краю тарелки, рядом с сырником, блестела лужица сметаны. К «начальственным» сырникам сметана была подана отдельно, в небольшой фарфоровой чашечке.

Я обмакнул половинку сырника в сметану и сунул в рот. Нет, не халтурила наша Надежда, ох, не халтурила! Сырник был словно бы с другой планеты. И сметана тоже.

– Как это получилось? – спросил я, с трудом проглотив кислый сухой творог, слегка приправленный кислой же сметаной. – Разве продукты не одни и те же?

– Продукты-то те же, – усмехнулся Назар, – да в разной комплектации. Нам с тобой сметану дают в том виде, в каком покупают, а для всех остальных разбавляют кефиром. Нам с творогом намешивают муку, яйцо, сахар и ваниль, а всем прочим делают без ванили, сахар недовкладывают, на яйцах экономят. Например, если по рецептуре на определенное количество творога положено пять яиц, то повар кладет всего три, а два других уносит домой или продает. Короче, хитростей и уловок – не перечесть, а на вкусе все сказывается.

– Погоди, – остановил я Назара, – я не понял, что делают с сахаром?

– Не-до-вкла-ды-ва-ют, – повторил он по слогам. – Вкладывают меньше, чем нужно.

Я мысленно повторил неудобное для произношения, какое-то членистоногое слово и постарался запомнить.

Беседа наша за утренней трапезой текла легко и приятно, через открытую дверь я посматривал в общую комнату, где народу становилось все больше, но почему-то было довольно тихо. Такое впечатление, что участники проекта почти не разговаривали друг с другом, да и сотрудники помалкивали.

– Что-то не наблюдается оживления, – заметил я. – Все какие-то прибитые, молчаливые. Может быть, что-то случилось, а мы с тобой не знаем?

– Брось, Дик, ничего у них не случилось. Конкуренция. Они опасаются друг друга.

– Однако Цветик и Оксана не опасались, весь день вчера разговаривали.

– Вот и поглядим, – Назар бросил взгляд на часы, – через полчасика, до чего они договорились. Начни именно с них. Чует мое сердце, там что-то не так.

Без десяти девять я поднялся наверх за своей тетрадью и ровно в девять занял место за длинным столом в квартире на четвертом этаже. Сегодня никто не опоздал, все участники уже ждали меня. Я коротко, меньше чем за минуту, произнес приветственное слово, оно же и вступительное (испортили меня многочисленные конференции и симпозиумы, которые я посещал на протяжении всей профессиональной жизни).

– Итак, что привлекло ваше внимание в романе «Дело Артамоновых»? Первым слово предоставляется нашему поэту Цветику, – пошутил я, чтобы разрядить обстановку.

– Почему я первый? – недовольно спросил веб-дизайнер. – Пусть кто-нибудь другой начнет, а я потом.

– Вы не поняли, Алексей. – Мой голос стал строгим. – Здесь порядки устанавливаю я, а вы должны мне понравиться, если хотите остаться в проекте. Прошу вас, начинайте.

– Ну… Приезжает Артамонов.

– Куда? – коварно спросил я.

– В деревню, хочет строить фабрику. Но деревенские его не поддерживают, тогда он идет к их главному…

– К кому? – задала вопрос Галина Александровна, которую я попросил присутствовать на обсуждении.

– К главному, – более уверенно повторил Цветик.

– Должность-то у него как называется? – не отставала наш культуролог.

– Не помню. Да какое это имеет значение? Вы же сами сказали: отметить, что понравилось, что привлекло внимание. А как должности называются – я не запоминал.

– Хорошо, продолжайте. Так что привлекло ваше внимание?

– Ну вот Артамонов этот, сам же из крепостных, то есть деревенский, и фабрику строит в деревне, и сыновья у него тоже деревенские, все трое…

– Да, кстати, – снова перебила его Галина Александровна, – что там с сыновьями? Неужели все трое деревенские, то есть потомственные крестьяне?

Мне показалось, что эта солидная дама, профессор, доктор наук, с трудом сдерживается, чтобы не расхохотаться, но что ее так насмешило – я не понимал. Разве что плохое владение речью нашего Цветика, который называет себя поэтом, но на самом деле с вербализацией не дружит и умеет общаться только с компьютером.

– Конечно, – уверенно отвечал веб-дизайнер, – они же родные сыновья Артамонова, значит, росли все вместе, воспитывались в одинаковых условиях. Вот меня и зацепило: откуда у Петра Артамонова неприязнь к сельским бабам и влечение к умным красивым женщинам. Мне показалось, что автор как-то неубедительно это обрисовал. И без всяких оснований вывел детей Петра умными и интеллигентными. Как они могли вырасти умными и интеллигентными в деревне?

Цветик умолк.

– Это всё? – уточнил я на всякий случай, хотя по лицу поэта было видно, что больше ему нечего сказать.

– Ну… Вроде всё. Вообще скучная книга, мне не понравилась.

Галина Александровна быстро подвинула в мою сторону сложенный пополам листочек. Записку я сразу же прочитал: «Пожалуйста, объявите перерыв на 5 минут, мне нужно кое-что вам сказать».

Я поднялся.

– Прошу прощения, друзья мои, мы с Галиной Александровной покинем вас буквально на пару минут. Пожалуйста, не продолжайте обсуждения без нас.

Я не беспокоился, выходя из комнаты, потому что за столом оставались сотрудники – психолог, переводчик и, разумеется, Назар.

В соседней комнате Галина Александровна прижала ладонь ко рту и затряслась в беззвучном хохоте. Ей было до того весело, что какое-то время она даже не могла говорить. Отсмеявшись, с трудом выдавила:

– Я знаю, где он это прочитал. Это вывешенное в интернете краткое изложение, в котором полно ошибок, я хорошо помню этот текст. В нем сказано, что у Ильи Артамонова трое сыновей, а ведь на самом деле сыновей только двое, а третий – племянник, как вы помните, причем рожденный от помещика, дворянина. Приезжает он в город, но в интернете Дремов назван городом только один раз, в самом начале пересказа, буквально в первой же фразе, а во всем остальном изложении фигурирует деревня. И про то, что Петр любит умных и красивых женщин, а не сельских баб, тоже сказано именно там. Кстати, и про интеллигентных детей – тоже оттуда. Глупость невероятная! А уж когда я услышала слова «их главный», то все сомнения исчезли: в пересказе городской староста Баймаков именно так и назван. Я же готовилась к нашей работе, а поскольку много лет имею дело со студентами и знаю все их фокусы, то, разумеется, ознакомилась с материалами, которые доступны в интернете. Самое забавное, что этот чудовищный по своей тупости краткий пересказ под разными названиями и на разных ресурсах повторяется слово в слово.

– Получается, что наш Цветик ухитрился вчера как-то добраться до интернета, – задумчиво проговорил я. – Интересно, как?

Галина Александровна пожала плечами и снова фыркнула, пытаясь сдержать смех.

– У вас для этого есть Назар Захарович, он разберется, он же сыщик.

– Бывший, – уточнил я.

– Бывших сыщиков не бывает. Сыщиками рождаются и остаются ими до конца. Это особый склад характера и образ мыслей. Ну, пойдемте, Дик. Теперь Оксану послушаем?

Мы вернулись за стол и продолжили.

– Оксана, теперь ваша очередь. – Я старался говорить мирно и доброжелательно.

Оксана, в отличие от своего приятеля, упрямиться не стала и сразу приступила к делу.

– Меня зацепило отношение Горького к бракам, которые заключаются не по любви, – уверенно и спокойно заговорила девушка. – Вот в «Анне Карениной», например, Анну выдали замуж за Каренина, хотя она его никогда не любила, и все вполне логично закончилось трагедией. Тут вопросов нет. А у Горького Петр женится на Наташе по воле родителей, не испытывает к ней никаких чувств, но все равно они живут дружно, то есть получилась хорошая крепкая семья. Вот это меня заинтересовало. А больше в романе ничего такого в глаза не бросилось.

Галина Александровна вскочила и выбежала из комнаты, сопровождаемая изумленными взглядами присутствующих. Наверное, только один я и понимал, что ей нужно было просмеяться.

– А ничего, что он ее головой об стену бил? – послышался голос Марины. – Странное у тебя представление о дружной семье.

– Тишина! – громко и резко произнес я. – Прошу участников не комментировать пока выступления друг друга. Сначала каждый из вас выскажется, а потом наступит очередь обсуждения, вот тогда можно будет и кричать, и перебивать, и вообще вести себя свободно.

Оксана выглядела растерянной, однако быстро нашлась:

– В традиционных русских семьях всегда считалось: бьет – значит любит.

– У вас все? – спросил я.

– Да. Я согласна с Алексеем, книга скучная, больше ничего интересным не показалось.

– Отлично. Прошу вас, Сергей.

Молодой человек, утверждавший накануне, что является грузчиком, раскрыл тетрадь и книгу. На тетрадной странице я заметил только узкие столбики цифр и быстро сообразил, какова была технология: его куратор, актер, вчера рассказывал, как читал роман вслух, значит, никаких цитат не выписывалось, отмечался только номер страницы.

– Меня больше всего заинтересовала история с шантажом, – спокойно начал он.

Я бросил быстрый взгляд на сидящих рядом Оксану и Цветика. По выражению их лиц можно было судить о том, вызвали ли эти слова хоть какие-то мысли или эмоции у них. Нет, не вызвали. Подтверждались слова Галины Александровны: книгу эти двое даже не открывали и про историю с шантажом ничего не знают.

– Яков, младший сын Петра Артамонова, трусоват, глуповат и туповат, – продолжал Сергей, – Горький пишет об этом прямым текстом. Он совершает неосторожный поступок, который при умелой подаче можно было бы оправдать, если сразу пойти в полицию и рассказать, как было. Но из-за трусости и собственной тупости он поддался на шантаж охотника Носкова и получил кучу проблем. Мне трудно пока сформулировать, чем именно меня так задела эта ситуация, но я все время думаю о ней.

– Это все? – спросил я.

– Еще мне показались любопытными рассуждения об ответственности. С одной стороны, об этом говорит Тихон Вялов, вот я отметил цитату: «Живет человек, а будто нет его. Конечно, и ответа меньше, не сам ходишь, тобой правят. Без ответа жить легче, да толку мало». С другой стороны, очень интересна фигура Якова, который пытается избежать любой ответственности, причем не только за свои поступки, но даже и за собственные мысли. У Горького так не написано, конечно, это я додумал, но это вытекает из того, что у автора сказано о Якове. Вот, например: «…незаметно для себя привык подчиняться сухой команде брата, это было даже удобно, снимало ответственность за дела на фабрике…» И вот еще: «Яков был уверен, что человек – прост, что всего милее ему – простота и сам он, человек, никаких тревожных мыслей не выдумывает, не носит в себе. Эти угарные мысли живут где-то вне человека, и, заражаясь ими, он становится тревожно непонятным. Лучше не знать, не раздувать эти чадные мысли. Но, будучи враждебен этим мыслям, Яков чувствовал их наличие вне себя и видел, что они, не развязывая тугих узлов всеобщей глупости, только путают все то простое, ясное, чем он любил жить». И еще очень показательны слова Якова, когда он рассуждает, куда бы им с Полиной уехать: «Надо подумать, поискать такое место, государство, где спокойно. Где ничего не надо понимать и думать о чужих делах не надо». У меня много цитат отмечено на эту тему, если нужно, я зачитаю.

Я-то роман прочел, и не один раз, и хорошо помнил, что у Горького об этом сказано много, поэтому если Сергей действительно добросовестно отметил все, что есть в книге, то зачитывать он будет долго. Необходимости в этом пока не было, для меня важнее всего – понять, струны чьей души отзовутся на текст той же мелодией, которую слышал внутри себя мой покойный родственник Володя Лагутин. Окинув взглядом молодых участников, я понял, что больше никого, кроме Сергея, эти слова не зацепили: цитату явно никто из них не вспомнил, хотя память у молодежи должна быть отменной, а книгу они читали только вчера.

– Переходите к следующему пункту, если он у вас есть.

– Следующий пункт – проблемы веры. Не в религиозном смысле, а в смысле доверия. «Крику не верь, слезам не верь», – эти слова Петру Артамонову говорят перед… – Сергей внезапно смутился, – перед первой брачной ночью, и потом, спустя уже много времени, он их вспоминает. А вот слова Тихона Вялова: «Да и

некому говорить. Никто никому не верит». В общем, про «верить – не верить» у меня тоже много отмечено. И мне показалось… – Сергей снова запнулся, будто стесняясь чего-то, – мне показалось, что у Горького в этом романе проблема доверия человеку перекликается с проблемой одиночества. Те персонажи, которые никому не верят, остаются по сюжету одинокими. Не знаю, может, я не прав, но мне так показалось.

– Это всё?

– Нет, у меня есть еще пункт. Насчет того, что нам только кажется, будто мы знаем какого-то человека, а на самом деле он совсем другой и в любой момент может повернуться к нам совершенно неожиданной стороной. Вот теперь всё.

– Проиллюстрируйте примерами, пожалуйста, – попросил психолог Вилен.

Сергей принялся перелистывать исписанную цифрами тетрадь.

– Например, сцена, где Яков слышит разговор своего дяди Алексея с Мироном. Они обсуждают, что тот самый охотник Носков оказался социалистом, и называют несколько фамилий рабочих, которые тоже участвуют в социалистических кружках, а Яков считал их спокойными, надежными, приятными и вежливыми. «Можно ли было думать, что эти люди тоже враги его?» Это открытие так потрясло Якова, что у него потемнело в глазах, и он уже не мог слушать, о чем говорят дядя с братом. Или взять восприятие Яковом жениха его сестры Татьяны, оно тоже очень показательно. «Яков даже завидует характеру этого человека, но чувствует к нему странное недоверие: кажется, что этот человек ненадолго, до завтра, а завтра он объявит себя актером, парикмахером или исчезнет так же внезапно, как явился».

– Похоже, что из всех персонажей вас больше всего заинтересовал именно Яков, – заметил Вилен.

Сергей помолчал, обдумывая его слова. Потом неуверенно кивнул:

– Наверное… Странно… Я как-то вчера не обратил внимания на это… А вот вы заметили…

– Можете объяснить почему?

– Не могу. – Он пожал плечами. – Я и не думал об этом, пока вы сейчас не сказали.

– Спасибо, – сказал я. – Теперь прошу вас, Марина.

После Сергея, выполнившего домашнее задание весьма обстоятельно, мне хотелось послушать хорошенькую девочку, которая вчера вместо того, чтобы читать книгу, шаталась по дому, пытаясь собрать информацию не то о проекте в целом, не то обо мне лично, и звонила по телефону. Особых иллюзий на ее счет я не питал, недаром же Надежда говорила, что Наташа все время подгоняла подругу и велела не отвлекаться.

Девушка с готовностью начала говорить, почему-то пристально глядя на меня и стараясь поймать мой взгляд, что изрядно меня позабавило.

– Я согласна с Горьким насчет того, что для счастливого брака нужно взаимное уважение и общность интересов, а если этого нет, то ничего не получится.

– Конкретизируйте, пожалуйста, – попросил я.

– Ну, если конкретно, то, например, Петр и Наталья: они с самого начала не были интересны друг другу, им не о чем было разговаривать, и к концу книги он называет свою жену глупой и скучной, то есть брак явно неудачный, хоть и куча детей. Другой пример – Яков и Полина. Полина все время настаивает, чтобы Яков на ней женился, потому что ей хотелось денег, а кончилось все плохо, Якова ограбили и выбросили из поезда, то есть здесь мы тоже видим, что отношения, основанные на корысти, обречены на гибель. А вот совершенно противоположный пример: Алексей и Ольга, они думают и чувствуют одинаково, поэтому брак у них долгий и крепкий.

Никаких записей у Марины не было, видимо, она полностью полагалась на свою память. С памятью у нее все было в порядке, а вот с вдумчивостью и внимательностью – не очень. Речь бойкая, гладкая, но не литературная. Похоже, девочку интересуют исключительно вопросы замужества, брака и семьи. А вот проблемы любви, поднятой в книге, она не заметила вообще. Наверное, она принадлежит к той части молодого поколения, которая думает скорее о том,

чтобы выгодно устроиться, а не о том, чтобы испытывать сильные чувства. Забавная девочка! В ней нет абсолютно ничего, что хотя бы в минимальной степени перекликалось с душевным складом Владимира Лагутина, который очень много думал о любви и почти совсем не думал о женитьбе. Полярные противоположности!

– Вас не смутило, что Алексей начал жить с Ольгой, когда она была еще несовершеннолетней? – задал вопрос Вилен.

– А что в этом такого? – искренне удивилась Марина.

Мне показалось, или лицо Сергея мгновенно переменилось, побледнело и как будто заострилось? Впрочем, у меня не было возможности разглядывать его достаточно внимательно, нужно было слушать Марину.

Действительно, что «такого» в сожительстве взрослого мужчины с несовершеннолетней? Не то эта Марина – совершенно пустое существо, лишенное моральных ориентиров, не то вся современная молодежь такая и она – просто типичный представитель поколения «игрек». Я добавил ее имя к уже написанным двум – Алексея-Цветика и Оксаны: это первоочередные кандидаты на выбывание. Мне не нужны в проекте ни наглые халтурщики-обманщики, ни люди, которые ни в чем не похожи на моего троюродного племянника Володю.

– У вас всё?

– Да, – дерзко, даже с каким-то вызовом ответила она. – А что, мало?

– Достаточно, – сухо произнес я. – Теперь хотелось бы послушать Артема.

Вчерашний рассказ Вилена о том, как его подопечный работал над текстом, меня заинтриговал, и очень хотелось посмотреть, как же выглядят результаты столь кропотливой работы.

– Я обратил внимание в первую очередь на терминологию, – начал Артем неторопливо и словно бы размышляя. – В романе есть часто используемые слова: тень, страх, скука, зависть, понимать и не понимать. И всякие синонимы и производные от этих слов. Это, если можно так выразиться, основная

лексическая база, на которой построено все повествование и которая создает определенную атмосферу. Например: «Человек, который привык бояться, всегда найдет причину для страха». Совсем короткая фраза, и в ней целых два слова об одном и том же. Или вот еще характерное, там, где Петр показан после убийства подростка, товарища своего сына Ильи: «Разум его был недостаточно хитер и не мог скрыть, что страх явился за секунду до убийства, но Петр понимал, что только этот страх и может, хоть немного, оправдать его. Однако, разговаривая с Ильею, он боялся даже вспоминать о его товарище, боялся случайно проговориться о преступлении, которому он хотел придать облик подвига». Всего в одной фразе два раза использовано слово «страх» и два раза – «боялся». И в предыдущем предложении перед процитированным тоже есть «страх». С «тенью» и прочими словами та же история, у меня все выписано с указанием страниц, если не верите.

Я с трудом сдержал улыбку. Именно эта фраза и вообще вся ситуация с убийством были подробнейшим образом проанализированы в «Записках» Володи Лагутина. Получалось, что хотя бы в чем-то одном Артем совпал с моим племянником, и это внушало оптимизм.

– Почему же не верим? Верим. Еще что-нибудь?

– Разумеется. – Артем важно кивнул. – Это я только по лексике прошелся. У меня есть что сказать по конкретным эпизодам и по подаче материала в целом. С чего начать?

Подача материала? Это любопытно! У Владимира об этом ничего написано не было, но мне хотелось узнать, как мыслит этот темноволосый субтильный паренек. Маркетолог… Понятно, что обратил внимание на то, как подан материал, для него имеют огромное значение взаимоотношения производителя и потребителя.

– Начните с подачи материала, – предложил я.

– В целом роман производит впечатление очень неровного. Как будто автор сначала с удовольствием, со вкусом работал над ним, потом по каким-то причинам заторопился и быстро закончил. Вся концовка про революцию кажется притянутой за уши, потому что задумывалась книга явно не для этого.

– А для чего, как по-вашему? – живо поинтересовалась Галина Александровна.

– По-моему, Горький хотел написать роман о взаимоотношениях отцов и детей в том смысле, что родители, занимаясь каким-то делом, хотят, чтобы дети стали их продолжателями, приняли на себя это дело и развивали его. А детям это не нужно, им в тягость, но они не смеют перечить родителям, принимают дело и потом всю жизнь мучаются. И революция тут совершенно никаким боком не нужна, она ничего не подчеркивает и ничего не дает полезного для осмысления. Проблема вечная, и никакие революции ничего в ней не изменят. Так что я вообще не понимаю, зачем там про революцию хвост приделан.

Галина Александровна рассмеялась, но тут же взяла себя в руки. Артем посмотрел на нее с удивлением и с неудовольствием.

– Но это, конечно, только мое мнение, – добавил он.

И не только твое, подумал я, но и Володи Лагутина. В этом вы тоже совпали.

– Перечислите, пожалуйста, персонажей, которые, по вашему мнению, иллюстрируют данную проблему, – попросила культуролог.

– Оба родных сына Ильи Артамонова – Петр и Никита, сыновья Петра – Илья и Яков. Племянник Алексей тоже яркая фигура, во всяком случае, он открыто сопротивляется Илье, просит отдать его в солдаты, потому что не хочет заниматься фабрикой.

– Но Алексей в конечном итоге становится первым лицом на фабрике, – заметила она.

– Это был осознанный выбор, в точном соответствии с тезисом о том, что свобода есть осознанная необходимость. Алексей не планировал заниматься фабрикой ровно до тех пор, пока его не избили до полусмерти. Он пролежал больным восемь месяцев, если я не ошибаюсь, и после этого понял, что ни в солдаты, ни на какую бы то ни было другую работу его не возьмут, так что вхождение в дело своего дяди – единственный путь как-то проявить себя и реализоваться. В тексте об этом прямо не говорится, но ведь понятно, что если человека избивают так, что он лежит и не встает в течение восьми месяцев, то это уже глубокая инвалидность.

Что ж, разумно. С этим трудно спорить.

– А что насчет Никиты? – допытывалась Галина. – На него Илья Артамонов не рассчитывал, Никита – инвалид детства, горбун. Почему вам кажется, что он олицетворяет ту же проблему?

– Об этом прямо сказано в той главе, где Петр приезжает к Никите в монастырь. Петр говорит Никите: «Тебе еще покойник-родитель наказывал: утешай! Будь утешителем», то есть здесь тоже есть ясно выраженная воля отца. А Никита отвечает, что для него это должность трудная. «Чем утешать-то? Терпите, говорю. А – вижу: терпеть надоело всем. Надейтесь, говорю. А на что надеяться? Богом не утешаются». И весь этот эпизод, а он достаточно длинный, показывает, что Никите в монастыре плохо, тягостно, он не чувствует себя на своем месте и страдает.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула Галина Александровна. – Что еще?

– Еще – такая мелочь, но меня зацепило. – Артем слегка улыбнулся. – Это не эпизоды, то есть зацепил не смысл происходящего, а просто высказывания как таковые, сами по себе.

Он перевернул несколько страниц в поисках нужного места. Видимо, фразы, показавшиеся ему интересными «сами по себе», были выписаны отдельно.

– Вот, нашел. «Соединение страшненького и противненького с жалким – чисто русская химия!»

Есть! Этой фразе в «Записках» Лагутина было посвящено целое эссе. Артем – первый бесспорный кандидат на участие в моем проекте. Думаю, что Сергей тоже.

– И еще одна цитата: «Я понимаю какого-нибудь интеллигента, который ни с чем не связан, которому некуда девать себя, потому что он бездарен, нетрудоспособен и может только читать, говорить; я вообще нахожу, что революционная деятельность в России – единственное дело для бездарных людей…» И последнее, что я хотел бы сказать. То есть на самом деле сказать я мог бы очень многое, но я понимаю, что мы ограничены во времени, так что я

останавливаюсь только на том, что зацепило больше всего. В книге четко прослеживается мысль о том, что человек, который не приучен думать, читать, анализировать информацию, вникать, осмыслять, то есть человек с нетренированным интеллектом, обычно идет по пути агрессии, насилия и поиска врага. Если нужны подтверждения – я готов показать выписки. Очень ярко это подтверждают слова Тихона Вялова: «Неученый – что нероженый», то есть человек, не использующий мозги, проживает совсем пустую жизнь, как будто и не живет вовсе. Вообще Тихон – крайне любопытный персонаж, он так интересно играет словами, обнажая их двойной смысл!

Имя Артема в своем списке я подчеркнул тремя жирными линиями. О стопроцентном попадании «в образ» говорить, разумеется, еще очень рано, но то, что он отметил в романе, было в значительной своей части отмечено и Владимиром. Правда, о «лексической основе» мой племянник не писал, но разве это важно?

– Спасибо, Артем. Теперь послушаем Елену.

Вот и узнаем, что вынесла менеджер по продажам из трехсот страниц, прочитанных за пару часов. Оказалось, что вынесла она только симпатию к Илье Артамонову-старшему, родоначальнику Дела, замыслившему и построившему фабрику полотна.

– Он не рассусоливал, сопли не размазывал, ему говорят, что Артамоновых в городе не любят, а он отвечает, мол, ну и что, зато будут бояться. Для него главное – результат, а не отношение людей к нему и его семье. Он активный, уверенный в себе, целеустремленный, мотивированный. В общем, он мне очень понравился.

Говорила Елена напористо, быстро, убежденно, ни в книгу, ни в записи, если они вообще были, не заглядывала. Никто другой из персонажей интереса у нее не вызвал.

– Все остальные герои какие-то вялые и не особо умные, – завершила она свое короткое выступление. – Про них читать было откровенно скучно. Мутный отстой какой-то.

Ага, настолько скучно, что ты, деточка, похоже, и вовсе читать не стала. Как Илья-старший умер, так через пару страниц ты и вникать перестала, просто пролистала книгу и не заметила больше никого. Имя Елены я написал в том столбике, где уже красовались имена Алексея, Оксаны и Марины. С таким отношением к порученному заданию этой девушке нечего делать в моем проекте.

– Евдокия, прошу вас, – я посмотрел на девушку – протеже моего друга Назара.

– Меня затронули все моменты, в которых показываются сила и слабость, трусость и смелость. В этом смысле мне интереснее всего было сопоставлять Алексея с Яковом и старшего Артамонова с его сыном Петром, а самого Петра – с сыном Ильей. Получается такая интересная структура в поколениях: старший Артамонов – безусловно сильная и цельная личность, сумевшая навязать свою волю Петру, а Петр, в свою очередь, подчинился, возразить не посмел, всю жизнь чувствовал себя рабом и воли отца, и ненужного ему дела, он слаб, поэтому не смог справиться с собственным старшим сыном, тоже Ильей, который отказался участвовать в делах фабрики и уехал насовсем, а вот младший сын Яков попытался дело принять, но неудачно, поскольку был туповат и трусоват, в этом я полностью согласна с Сергеем. Причем Яков настолько глуп, что его легко вытеснили из дела Алексей и его сын Мирон, и настолько слаб, что не в состоянии этому противостоять, он понимает, что происходит, но ничего не хочет делать. И даже не злится из-за этого, а, наоборот, радуется, что можно не принимать никаких решений и не брать на себя ответственность. Если Петра Артамонова злит возрастание роли двоюродного брата и его сына, вызывает раздражение, неудовольствие, то Яков спокойно принимает ситуацию, которая для него выглядит освобождением от обузы.

Пока ничего общего с впечатлениями Владимира я не услышал. Но, будем надеяться, в запасе у Евдокии найдется еще что-нибудь. Впрочем, я не совсем справедлив, она ведь говорила о сопротивлении воле родителей, а этому в «Записках» уделено очень много внимания. Правда, для Евдокии данная сюжетная линия оказалась важной для осмысления вопросов силы и слабости, а моего племянника куда больше волновал вопрос, в чем разница между Алексеем и Ильей-младшим, с одной стороны, и Петром, Яковом и Никитой – с другой, то есть почему одним удалось жить так, как хочется, а другие покорно исполняли родительскую волю.

– Вторым моментом, на который я обратила внимание, было обращение Петра Артамонова с женой Натальей, – продолжала Евдокия. – Не в первые годы их брака, а в последующие. Тут уже говорилось о том, что он поднимал руку на жену, а мне в глаза бросились слова о том, что Петр с наслаждением унижал ее. К сожалению, Горький почти совсем не уделил внимания подробному анализу чувств и мыслей Натальи по этому поводу, а мне хотелось бы понять, как ей удавалось противостоять такому поведению и сохранять себя. Вообще личность Петра мне наиболее интересна, потому что на протяжении всего романа показано, как из доброго и в целом неплохого парня вырастает существо злобное, ненавидящее людей и всю окружающую его жизнь. И еще хочу заметить, что согласна с Артемом: революция ко всему этому никакого отношения не имеет. Когда вернусь в Москву, обязательно поищу материалы об истории создания романа, чтобы понять, почему у него такая неровная структура.

Галина Александровна едва заметно кивнула мне, в глазах ее читалось одобрение. Да и я сам, едва услышав слова Евдокии о личностной трансформации Петра Артамонова, уже вписал ее имя рядом с именами Артема и Сергея.

Ну что ж, бородатого хипстера Тимура я оставил, как говорится, на сладкое. Судя по отчету Юры, юноша не надорвался, читая вчера роман, а с гораздо большим удовольствием ходил хвостиком за нашим офис-менеджером-хозяйственником и вел беседы о популярной музыке времен Юриной молодости. Крайне маловероятно, что Тимур поразит нас глубиной и неординарностью суждений, а вероятнее всего – насмешит всех, таким образом, первую часть обсуждения можно будет закончить на легкой ноте и с хорошим настроением. После этого предполагался кофе-брейк, потом вторая часть.

– Теперь слушаем Наталью, – сказал я.

Девушка говорила совсем тихо, настолько, что иногда приходилось даже напрягать слух.

– А меня очень тронула история Никиты, особенно в том месте, где он пытался покончить с собой, когда понял, что Наталья его не любит. Особенно пронзительно было, – в этом месте голос Наташи предательски задрожал, – когда я читала, что он тайком целовал рубашки Натальи, вывешенные сушиться после стирки.

«Плакала, небось», – подумал я, мысленно ставя этой девочке жирный плюс: кроме Володи Лагутина, подробно остановившегося на попытке самоубийства горбуна Никиты, на этот эпизод в романе не обратил внимания никто из участников, за исключением Наташи. Правда, в резерве у нас остается Тимур, но вряд ли он меня чем-то порадует.

– И еще… – Наташа помолчала, будто подыскивая слова. – Вот насчет попыток Петра Артамонова найти свою любовь… С одной стороны, у него из головы не идет красавица Паула Менотти, которую он видел на ярмарке. Она очень сексуальная женщина и произвела на Петра огромное впечатление, но он не предпринимает никаких попыток сблизиться с ней, и не потому, что боится, а потому, что сам не хочет. Но потом долго о ней вспоминает. Он уже давно изменяет своей жене, без конца путается с фабричными девками, с Зинаидой-шпульницей, но понимает, что это чистая физиология. А потом вдруг встречает Попову, общается с ней и начинает мечтать о душевной близости с этой женщиной. То есть влюбляется в нее как в человека, в личность, а сексуальная составляющая подключается потом, через время, но ненадолго, быстро проходит. И вот тут…

Она снова замолчала и перевела глаза сначала на свою подругу Марину, потом уставилась в окно.

– В общем, ничего у них не состоялось. И мне почему-то было жаль. Петр такой несчастный, прожил такую тяжелую жизнь, ему так трудно было все время заниматься нелюбимым делом и жить так, как ему не хотелось. Он ведь мечтал жить в степи, крестьянствовать, сеять хлеб, а в городе ему было душно и невыносимо. И вот появилась Попова, умная и образованная, и я так ждала, что у них все срастется и они будут счастливы… Не знаю… Не могу объяснить, почему мне так грустно оттого, что ничего не вышло. Как в песне про гостиницу.

Я решил, что неправильно понял ее слова или чего-то не расслышал, поскольку говорила она по-прежнему очень тихо, и повернул голову к сидящему рядом переводчику Семену. Он повторил последнюю реплику по-английски.

– Что за песня? – шепотом спросил я.

– Понятия не имею, – тоже шепотом ответил он.

Я взглянул на Назара и увидел, что он улыбается и кивает. Значит, мой друг все понял. Ладно, потом спрошу у него.

Трогательная девочка Наташа, поклонница романтики и самодеятельной песни. Единственная, кто обратил внимание на тему любви в романе. Тимур-то уж наверняка об этом говорить не будет. А Владимир Лагутин писал о любви очень много и всерьез намеревался предлагать эту тему для обсуждения своим ученикам, если бы они у него были. Более того, он даже придумал для своих вымышленных уроков форму, которая сегодня очень популярна под названием «фанфик», но в те годы не было ни понятия такого, ни термина. Мой племянник зацепился за описанную всего в одной фразе ситуацию, суть которой сводилась к тому, что Мирон, сын Алексея Артамонова, ухаживал за дочерью той самой Поповой, а девушка внезапно уехала, сбежала со школьным товарищем Мирона, давним его другом, и обвенчалась с ним. Володя писал: «Можно было бы предложить ребятам написать сочинение, в котором придумать и историю развития отношений Мирона и Зинаиды, и историю знакомства Зинаиды с Горицветовым, и подробно описать мотивы девушки, и – самое главное – попытаться представить себе переживания Мирона, внезапно потерявшего невесту и не понимающего, что же произошло, как же так вышло…» Да, Володя в этой ситуации почему-то искренне посочувствовал Мирону, который, положа руку на сердце, выведен в романе далеко не самым приятным персонажем.

Хорошо, будем считать, что Наташа моему проекту подходит. Ее имя оказалось четвертым в списке кандидатов на основную сессию.

– Тимур, вам выпала участь высказываться последним. – Я ободряюще улыбнулся пареньку в громоздких очках.

Интересно, у него в оправе стоят линзы с диоптриями или обычное стекло?

– А мне из всего романа больше всех понравились Алексей и Митя Лонгинов, – заявил он. – Алексей плюет на всех и живет, как хочет. Женился на Ольге, хотя отец его не одобрял, а до этого долго жил с ней и плевать хотел на то, что весь город его обсуждал и осуждал. Одевается не так, как все остальные мужики в его семье, а щегольски, у него такой «лук», как будто живет в столице, на это тоже все обращают внимание, а ему пофиг. И вообще, он легкий, веселый, ни на кого зла не держит. Он в своей семье единственный такой. Короче, ни в семье, ни во всем городе он не в тренде. И интерьер у него в доме тоже не в тренде, Петр все возмущается, зачем Алексей столько городских вещиц туда напихал…

А Митя Лонгинов – это вообще что-то с чем-то! Он настолько не вписывается в семью Артамоновых, что полный кайф читать. И при этом к нему относятся хорошо, хотя его никто не понимает и никто не знает, чего от него ждать. Вот тут уже цитировали мысли Якова по поводу Мити, – Тимур кивнул в сторону Сергея, – а я зачитаю еще одну цитату, у меня специально подчеркнуто: «…единственно приятным человеком был чужой – Митя Лонгинов. Митя не казался ему ни глупым, ни умным, он выскальзывал из этих оценок, оставаясь отличным от всех». Это просто супер! Выскальзывал из оценок – обалдеть, какая формулировка! То есть он настолько особенный, настолько не в тренде, что его нельзя оценивать в общепринятых категориях и характеризовать обычными, привычными словами. Вот это высший пилотаж.

Что ж, ничего перекликающегося с «Записками» я не услышал, и в принципе можно было бы уже принять решение о помещении имени Тимура в группу с Цветиком, Оксаной, Мариной и Леной. Но меня остановили два соображения. Первое: если мальчик потратил на роман так мало времени, как утверждает Юра, то, похоже, именно он, а вовсе не Елена, владеет техникой скорочтения. По выступлениям обоих мне совершенно очевидно, что Лена более или менее внимательно прочла только первую главу, а Тимур-то, судя по всему, дочитал до самого конца и ничего не упустил. И второе: мне был симпатичен этот смешной бородатый мальчишка своим нескрываемым стремлением доказать и отстоять право на то, чтобы быть особенным и не подстраиваться под мнение и оценки окружающих. Конечно, я совсем не знал Тимура, наше знакомство было весьма поверхностным, но то, что привлекло его внимание в романе «Дело Артамоновых», свидетельствовало в определенной мере о реальных предпочтениях и интересах молодого человека.

– Спасибо, – сказал я и встал. – Перерыв тридцать минут, можете использовать их по своему усмотрению. Через тридцать минут жду всех здесь же.

– А что будет-то? – нетерпеливо спросила Елена. – Мы же всё уже рассказали.

– Будем выражать мнения, соглашаться или спорить, – туманно сообщил я.

– Не, ну в самом деле, мистер Уайли, вы бы огласили весь список, а то мы тут как телята топчемся и не знаем, когда на водопой поведут, – подал голос поэт Цветик.

– Какой список?

Семен тут же наклонился к моему уху и быстро объяснил, что слова про список – цитата из очень старой и очень известной советской комедии, ушедшая в народ и укоренившаяся так прочно, что ее используют даже те, кто фильм в силу возраста не смотрел.

Я объявил, что через полчаса мы продолжим обсуждение романа, но уже в формате не монологов, а дискуссии, после чего будет перерыв на обед, а потом – очередное испытание, новое и с текстом Горького никак не связанное.

– Все-таки объясните нам, зачем мы читали эту муть, – потребовала Оксана. – И вообще, зачем все эти приколы с одеждой и отбиранием гаджетов. Это вы так развлекаетесь?

Ну, уж ты-то, дитя мое, не надорвалась, читаючи…

– Вы проходите отборочное тестирование, и объяснять я ничего сейчас не собираюсь. Все объяснения получат те, кто пройдет отбор, но не сегодня и не завтра, а только тогда, когда приедут на основное мероприятие. Тот, кто пройдет отбор, но на мероприятие по каким-то причинам не приедет, ничего не узнает.

Глаза Оксаны презрительно прищурились.

– Это что, такая страшная тайна? Военный секрет? Вы тут из нас шпионов будете вербовать?

Ох, дитя мое, из тебя шпионка – как из меня киллер. Если кто-нибудь вздумает тебя куда-нибудь вербовать, то горько пожалеет об этом. Ты ни на что не годишься: ни ума нет, ни хитрости, ни выдержки, ни терпения. Есть только нахальство и самоуверенность, а также глубокая убежденность в том, что все вокруг – идиоты, а уж старики и подавно, и даже не нужно особенно напрягаться, чтобы их обмануть, они с удовольствием съедят блюдо из навешанной им на уши лапши.

– Я всё сказал, – со вздохом заключил я и вместе с Назаром спустился в столовую: Надежда пообещала к перерыву на кофе испечь свежие кексы.

Всего пятый день я нахожусь в поселке и живу в этом доме, а уже пристрастился к выпечке, которой нас балует наша прекрасная повар-буфетчица.

– Что за история с песней про гостиницу? – спросил я Назара, когда мы уселись за стол в дальнем кабинете столовой.

– Да все то же, – отозвался он. – Была такая песня, там в начале поется: «Ах, гостиница моя, ах, гостиница, на кровать присяду я – ты подвинешься, занавесишься ресниц занавескою, хоть на час тебе жених, ты – невеста мне». Ну, дальше всякое такое полупереживательное, а в конце: «Я на краешке сижу и не подвинулся, ах, гостиница моя, ах, гостиница». То есть вроде бы в начале все идет в сторону страстного романтического свидания, а потом оказывается, что ничего не состоялось.

– А почему не состоялось? – полюбопытствовал я.

– «Коридорные шаги – злой угрозою», – вполголоса пропел Назар. – Ну и сомнения в истинности чувства, это уж само собой, во времена моей молодости это была модная тема. Там есть слова: «Сердце врет – люблю! Люблю! – до истерики». Вишь как: врет. Не скажу тебе с точностью, сколько в тех песнях было искреннего чувства, а сколько – ложной многозначительности, но такое уж время было… И вот Наталье это нравится. Ладно – я, со мной все понятно, я дитя той эпохи, но почему она к этим песням сердцем прикипела – объяснить не смогу. Кстати, пока не забыл…

Он встал и отошел к подоконнику, на котором стоял телефон, снял трубку, набрал номер.

– Юрочка, сынок, не сочти за труд, продиктуй-ка мне номерок, на который вчера звонил Алешенька… Ага, тот самый, который с Семеном живет… Вот спасибо!

Назар ничего не записал, и я в который уже раз подивился его цепкой памяти.

– Добрый день! – ласково зажурчал его высокий тенорок. – Меня зовут Назаром Захаровичем, фамилия моя Бычков. С кем я говорю? Очень приятно! Не будете ли вы так любезны…

Через несколько минут, когда я доедал уже третий кекс с изюмом, Назар положил трубку и вернулся за стол.

– Что и требовалось доказать, – торжествующе проговорил он. – Девочка оказалась с мозгами и врать попусту не стала, тем более что причин говорить неправду у нее нет, она не сделала ничего предосудительного, и скрывать ей нечего. Вся комбинация проста, как три копейки. Наш Цветик заприметил в кафе симпатичную девочку, подошел к ее столику и спросил, не хочет ли она заработать немножко денег. Девочка сперва испугалась и спросила, что нужно сделать, но когда Цветик объяснил – расслабилась и согласилась. Нужно было всего-навсего найти в интернете краткий пересказ романа Горького, а когда Цветик ей вечером позвонит – прочитать ему вслух по телефону. Цветик наплел ей, что его, дескать, предки за какую-то там провинность отлучили от интернета и отобрали мобильник, а ему завтра нужно сдавать зачет в институте, и вот бабка за ним теперь ходит по пятам и следит, чтобы он запрет не нарушал. Это наша-то Полина – бабка! И как у поганца язык повернулся! А насчет денег проинструктировал: я, мол, сейчас пойду как бы в туалет, ты через минутку туда подходи, я тебя буду ждать в коридоре и дам деньги, надо, чтобы бабка не увидела, а то догадается. Сказал, что подойти познакомиться с симпатичненькой девушкой злая бабка разрешила, поэтому бумажку с номером телефона Цветик взял совершенно открыто, не таясь.

– Умно, – оценил я.

– Вечерком не вполне трезвый Цветик девушке позвонил, она все сделала, как он просил, и честно прочитала ему текст по телефону. Но поскольку действие алкоголя на юные умы никто не отменял, Цветик ничего не понял и попросил прочитать еще раз, помедленнее. Потом еще раз. Девушка-то неглупая, сама заметила, что в изложении все выглядит довольно коряво и неубедительно. Разумеется, роман она никогда в жизни не читала, но даже ей заметны были дыры и нелогичности в интернетном тексте. Само изложение довольно короткое, но пока Цветик его с горем пополам запомнил и хоть как-то разобрался, прошло минут сорок, если не больше.

– Ну да, а утром за завтраком наскоро пересказал Оксане. Понятно. Полагаю, ты со мной согласишься, что кандидатуры этих двоих даже обсуждать не стоит.

– Соглашусь, – кивнул Назар. – Может, тогда уж отправим их обоих прямо сегодня? Зачем ждать до завтра? Или ты надеешься, что они еще сегодня как-нибудь себя проявят?

Я расхохотался.

– Проявят? Ну, только если как-то особенно креативно будут решать проблему туалета. О романе Горького им сказать нечего. Нет, Назар, эта парочка мне весьма неприятна, я не хотел бы больше их видеть. Но билеты для них, как и для всех, заказаны на завтра. И потом, кто сегодня повезет их в город, на вокзал и в аэропорт? Я тебя не отпускаю, ты мне нужен здесь.

– Юра мог бы отвезти на моей машине. Но ты прав, без интернета мы проблему перебронирования билетов за пять минут не решим. Ладно, пусть остаются.

Полчаса пролетели неожиданно быстро, я и опомниться не успел, как Назар заметил, что пора идти. Я с трепетом прислушивался к себе, ожидая заметить признаки сильной усталости, граничащей с раздражением: я давно не проводил так много времени в непрерывном общении, да еще с таким количеством людей. Конечно, в моей жизни есть множество многолюдных обязательных мероприятий, но от части их я научился довольно ловко уклоняться, в другой же части принимал дозированное участие, устраивая перерывы, не являясь на не интересные мне заседания, а то и вовсе прогуливая полдня. Работа с авторами и редакторами, конечно, такой возможности не давала, но там и многолюдности не было. В городке же, где я жил и который правильнее было бы называть деревней, все давно привыкли, что чудаковатый одинокий американец готов в полном объеме исполнять все обязанности проживающего, за исключением участия в общественных мероприятиях. Первое время меня активно приглашали и даже настаивали на моем присутствии, потом поняли, что это бесполезно. Подозреваю, что в городке меня из-за этого несколько недолюбливали, но мне было все равно. Я дал солидную сумму сначала на реконструкцию церкви, потом на поощрение учителей в местной школе, и местные жители более или менее простили мое затворничество и нелюдимость.

Но здесь, в этом поселке, ежедневно и постоянно общаясь с сотрудниками и кандидатами на участие в проекте, я, к своему удивлению, пока не почувствовал ни утомления, ни привычного раздражения, всегда возникавшего, когда приходилось слишком много разговаривать. То ли горячий интерес к проекту тому виной, то ли есть еще какая-то причина…

У входа в квартиру на четвертом этаже нас поджидал Юра.

– Ричард, можно мне тоже послушать? – застенчиво спросил он. – Я все сделал, что на сегодня было запланировано, продукты привез, розетку у Вилена в квартире починил, кран в ванной у Галины Александровны поменял.

Было в этом шестидесятилетнем мужчине что-то невероятно трогательное.

– Если вам интересно – разумеется, заходите и слушайте, – ответил я. – И не спрашивайте у меня разрешения, вы такой же сотрудник проекта, как и все остальные, и можете присутствовать на всех мероприятиях. Вам интересно, как дети обсуждают Горького, или вы хотите посмотреть, как выглядит на этих обсуждениях ваш юный друг Тимур?

– Да мне все интересно. Так необычно всё! Да, еще хотел спросить… – Он помялся. – Тимур хочет съездить в город, посмотреть, что продается в магазинах. Оправы для очков всякие, платки и шали ручной работы, ну, всё такое… Может, есть ателье или галереи, где продаются дизайнерские вещи, которые существуют в единственном экземпляре. Можно его отвезти, когда вы закончите? Или это правилами не разрешается?

– Разрешается, если только посмотреть. Ничего такого покупать нельзя. Вы же сами помните, что можно было купить в советских магазинах, – сказал Назар. – Поезжайте, конечно, если будете успевать в город до семи вечера. Если мальчику что-то понравится, он сможет купить это после окончания отбора, когда будет уезжать, не раньше.

– Почему до семи? – не понял я.

– Потому что в советское время продуктовые магазины работали до восьми, а промтоварные – до семи.

– Промтоварные? – повторил я еще одно новое для себя слово. – Это какие же?

– Которые не продуктовые и не книжные, а любые другие, – пояснил Назар коротко, но не очень понятно. – Промышленные товары.

Но я не был бы филологом и переводчиком, если бы пропустил очевидную несообразность мимо ушей.

– Но разве продукты – не пищевая промышленность? А аптеки – не фармацевтическая? Любые товары, которые производятся, – это промышленность. Почему в вашей стране родилось такое странное слово?

– Потому что такая страна была, – ответил мой друг еще более загадочно. – Пошли, Дик, народ собрался и ждет.

Мы вошли и расселись по местам. Началась вторая часть.

* * *

Читать Горького Дуне было совсем не интересно, но все равно читала она с удовольствием, просто потому, что не нужно было ежесекундно напрягаться и со страхом ждать звонка или сообщения Дениса. Она нисколько не кривила душой, когда говорила во время собеседования, что готова хоть полы мыть, хоть нужники чистить, лишь бы оказаться там, где Денис ее не достанет. Не достанет по совершенно объективным причинам, а не потому, что она трусливо заблокировала его и в телефоне, и в сетях. «Я не хочу с ним общаться, – твердила себе Дуня, – но я хочу, чтобы это было его свободным решением, а не вынужденным поведением. Я не хочу, чтобы он считал, будто я испугалась его и спряталась. Я хочу, чтобы он понял, что я не собираюсь быть его жертвой и, таким образом, больше не представляю для него никакого интереса, поэтому ему имеет смысл оставить меня в покое. Только мне нужно немножко набраться сил, немножко отдохнуть. И я костьми лягу, но добьюсь, чтобы у меня была возможность прожить здесь целый месяц. Этого месяца мне хватит на то, чтобы восстановиться».

Поддерживаемая такими мыслями, роман она прочитала тщательно и вдумчиво, но сперва ничего для себя важного из произведения не вынесла, кроме больно

уколовших ее слов о том, что Петр «с наслаждением унижал» свою жену Наталью. С наслаждением унижал! В точности как Денис с наслаждением унижал ее саму и пытается продолжать это делать. Почему Наталья терпела? Как ей удавалось стерпеть и не дать сдачи, не ударить жестоко злобного мужа, не убить его? Какие слова она говорила сама себе, чем утешалась, чем подбадривала себя, какими аргументами сдерживала желание ответной агрессии? Или у нее такого желания не было изначально? Какая она – эта Наталья Баймакова, в замужестве Артамонова, родившая шестерых детей и вырастившая четверых? Наталья, выданная замуж по сговору за нелюбимого, Наталья, с интересом посматривавшая на двоюродного брата своего мужа, Алешу, самого ловкого плясуна и самого отчаянного бойца в городе, красивого, смешливого, легкого. Наталья, не заметившая отчаянной и безнадежной любви младшего мужниного брата, горбуна Никиты, да и не замечавшая самого Никиту, ибо горбун – не работник и не муж, а стало быть, и не человек.

Про Наталью у Горького написано было совсем немного, и Дуня сожалела об этом, стараясь помедленнее читать скупые строчки и пытаясь угадать, что скрыто за ними, что недосказано, но неожиданно, дойдя до четвертой главы, увлеклась описанием внутреннего мира Якова Артамонова. Сам по себе Яков, конечно, человек препротивный, но все, что с ним происходило, все, о чем он думал, заставляло снова и снова возвращаться к мыслям о том, что такое душевная сила, откуда она берется и до какой степени человек может позволять себе быть слабым и неумным. Или вообще ни до какой? Разрешается быть только сильным и умным? А если этой силы и ума нет, то не имеешь права считаться человеком?

Дуня хотела было рассказать о своих впечатлениях о Якове на первой части обсуждения, но испугалась, когда об этом же персонаже заговорил Сергей и психолог Вилен задал ему вопрос: почему его заинтересовал именно Яков. Сергей не ответил, но Дуня подумала, что если тоже заговорит об этом, то Вилен непременно задаст ей тот же самый вопрос. И ей придется солгать, сказать, что ответа она не знает, как и Сергей. Но ведь Сергей мог действительно не знать, а она-то, Евдокия, отлично знает! И что получится? Сказав правду, она непременно нарвется на вопрос: почему вас интересуют именно эти проблемы? Не рассказывать же всем этим чужим людям о том, что она натворила и как теперь судорожно пытается выпутаться из тягостных и ненужных отношений, в которые она вляпалась по глупости и неосмотрительности, увлекшись и потеряв голову… Значит, снова придется солгать. А ей так не хочется врать и притворяться, у нее просто нет больше сил на ношение маски, она полностью истощена. Только рядом с Ромкой она может позволить себе быть самой собой и

отдохнуть. Почему Булгаков написал в «Мастере и Маргарите», что говорить правду легко и приятно? Это неточная формулировка. Сказать правду действительно легко с точки зрения энергетических затрат, а ложь требует куда больше энергии, поэтому лжецы быстрее устают. Но и правда, и ложь имеют свои последствия. И последствия от «легко и приятно» сказанной правды зачастую бывают такими ужасными… А ложь, напротив, существует именно для того, чтобы минимизировать невыносимость последствий.

Поэтому Дуня приняла решение молчать, если можно не говорить. Во время обсуждения высказалась предметно только о Наталье: тема показалась ей безопасной. В самых общих чертах упомянула о проблемах силы и слабости, смелости и трусости, ничего не конкретизируя и стараясь быть немногословной. С облегчением вздохнула, когда ей не задали дополнительных вопросов и передали слово следующему участнику, смешному мальчишке в старомодной оправе на носу. Во время перерыва не пошла в столовую вместе со всеми, чтобы избежать разговоров и попыток сближения, решила выпить чаю с карамельками на кухне квартиры в обществе своего куратора, актрисы Ирины, которая на обсуждении не присутствовала и с удовольствием смотрела по «телевизору» какой-то старый спектакль.

– Что смотрите? – вяло спросила Дуня.

– «Любовь Яровую» Тренева.

– Интересно?

– Дунечка, я же не сюжет воспринимаю, а актерскую и режиссерскую работу. Для меня нет интересных и неинтересных пьес, для меня есть только интересные и неинтересные роли. Я эту роль никогда не играла, эту пьесу уже никто не ставил, когда я начала учиться в театральном, вот я смотрю и примеряю на себя… Ты какая-то измученная, душа моя. Устала? Сильно вас там экзаменовали?

– Нормально. Умеренно, – коротко ответила Дуня. – Отпустили на полчаса на перерыв, вот зашла чайку попить. Компанию мне не составите?

Ирина подошла к видеоплееру, нажала кнопку «пауза».

– Не положено, конечно, – заметила она, – на настоящей телевизионной трансляции кнопку не нажмешь, да уж ладно. Лена придет?

Дуня пожала плечами:

– Не знаю. Вроде бы она в столовую пошла вместе со всеми. Ирина, а вы сильно устаете, когда работаете?

– Актеры всегда сильно устают, – с улыбкой ответила куратор, запахивая длинный халат и туже затягивая пояс. – Это очень тяжелый хлеб, хотя со стороны может показаться, что все шоколадно: надел красивое платье, вышел на сцену, все на тебя смотрят, аплодируют – шик и блеск! Многие актеры выпивают, и довольно сильно, как думаешь – почему? Некоторые, конечно, от дури и баловства, но только некоторые, а остальные – по необходимости, иначе с ума сойдешь. Находиться в образе другой личности очень непросто.

Дуня налила чай, разгрызла карамельку «Раковая шейка», задумчиво посмотрела на телефонный аппарат. Сегодня суббота, Ромка, наверное, или работает, или проводит где-нибудь свободное время. Может, к родителям поехал… Утром, до начала обсуждения, она звонила ему на домашний номер, но никто не ответил. Не слышал, потому что накануне поздно вернулся и теперь крепко спал? Или не ночевал дома? Ревнивые мысли Дуню не посещали, она верила своему Ромке и знала, что если он не ночует дома, то только по служебной необходимости.

Взяв чашку, она подошла к телефону, стоящему в прихожей на тумбочке, набрала номер. Ромка ответил почти сразу, снял трубку после второго же гудка.

– Ну как ты там? – обеспокоенно спросил он. – Голос у тебя не радостный какой-то.

– Я в порядке, мой хороший, – Дуня слегка улыбнулась: Ромка всегда действовал на нее успокаивающе. – Просто немножко устала.

– Неужели так тяжело? Может, зря я тебя уговорил…

– Нет-нет, не зря, мне идет на пользу! Ты правильно сделал, что отправил меня сюда. А устаю я от напряжения. Я же понимаю, что Назар Захарович составил мне протекцию, при прочих равных условиях я могла и не пройти собеседование. И все время думаю о том, чтобы не подвести его и чтобы ему не было за меня неловко. А где ты был утром? Я тебе звонила, ты не подошел.

– За едой бегал. Всю неделю ишачил, как проклятый, домой приходил поздно и сам не заметил, как припасы закончились. Проснулся сегодня, полез в холодильник, а там совсем пусто.

– Но как же так, Ромка? – испугалась Дуня. – Я перед отъездом столько всего наготовила, столько всего купила, набила тебе холодильник под завязку и была уверена, что когда вернусь – половину придется выбрасывать, ты столько не съешь… Куда же все подевалось? Я же уехала в среду вечером, а сегодня только суббота…

Роман смущенно хмыкнул.

– Дуняша, ты не ругайся, но мы все съели.

– Мы?

– Ну… Так получилось. Парень из нашего отдела с женой поссорился, горшки побили они крепко, и он попросился после суток отоспаться у меня, домой идти не хотел. Это в четверг было. Я ему дал ключи, вечером вернулся – мы посидели чуток, выпили по рюмашке, поужинали. Он и днем что-то ел, конечно. И остался у меня ночевать, а утром его супружница прискакала, он ей, оказывается, все-таки сообщил, что не погиб на боевом посту, а поехал ко мне в рамках воспитательных мероприятий. Она приехала, я их оставил мириться, а сам на службу погнал. Вернулся – а они все мирятся, правда, уже в горизонтальной позиции. Уж не знаю, что он наплел начальству, чтобы на работу не выходить. Опять поужинали, только уже втроем, и я их отправил. А сам – на бобах.

– Бедный мой голодный Ромчик. – Дуня рассмеялась впервые за все время после отъезда из Москвы. – А я уж подумала было, что ты дома не ночевал.

– Ночевал-ночевал. Жалко, что ты меня не застала. Я сам хотел тебе вчера позвонить, когда один остался, но подумал, что поздно уже, ночь, а вас там трое

в квартире, перебужу всех. Антон мне вчера передал, что ты звонила в отдел, я так расстроился, что ты меня не застала! Не представляю, как люди жили без мобильников. Это ж с ума сойдешь, пока человека по городскому телефону отловишь! А вдруг что-то срочное?

– Да, трудно, наверное, было, – согласилась она. – Какой у тебя план на сегодня? Спрашиваю не с целью контроля, а чтобы знать, когда можно позвонить. Или ты сам мне позвони, когда тебе удобно, только я совсем не знаю, как тут все будет складываться. Сейчас перерыв, потом вторая часть, после обеда – третья, а потом что – неизвестно.

– Не переживай, Дуняша, созвонимся как-нибудь, или так, или эдак. Если на службу не выдернут, буду дома сидеть, расслабляться. А завтра буду работать, это уже точно. Постараюсь встретить тебя в понедельник утром, Зарубин пообещал, что если мы завтра хорошо сработаем, то в понедельник можно появиться в конторе после обеда.

– Тогда постарайся сработать хорошо. – Дуня снова улыбнулась. – Я скучаю по тебе.

– И я скучаю, моя хорошая.

Голос у Ромки был теплым и таким родным, что Дуня в который уже раз за последний год удивилась сама себе: как могла она пренебречь этим? Как могла предпочесть Роману кого-то другого? Морок какой-то, ей-богу!

Она залпом допила остывший чай, сунула в рот еще одну карамельку, посмотрела на часы: через десять минут нужно быть на второй части. Ирина, к ее удивлению, ушла переодеваться и появилась уже не в халате, а в юбке и блузке.

– Вы уходите?

– Вместе с тобой. А ты не знала?

– Чего не знала?

– Меня пригласили на вторую часть. Разве вам не сказали, что там будет?

– Нет. – Дуня растерялась. – А что будет?

– Извини, – актриса погладила ее по руке, – раз вас не предупредили, значит, так надо. Поэтому не скажу. Не обижайся.

– Ну что вы, какие обиды могут быть! Я же понимаю.

Они вместе вышли из квартиры и направились на четвертый этаж.

* * *

– А теперь, друзья мои, представьте, что вы – учителя средней школы, – торжественно произнесла Галина Александровна. – То есть каждый из вас – учитель литературы в десятом классе, и ваши ученики – юноши и девушки шестнадцати-семнадцати лет.

Девять молодых людей, сидящих за столом, застыли. На лицах написано полное недоумение и даже недоверие к услышанному. Что это им сказали? Неужели это всерьез?

– Ирина – ваша ученица.

– Одна на всех? – немедленно съехидничал Цветик.

Галина Александровна насмешливо посмотрела на него:

– Уверяю вас, Алексей, вам и ее одной будет много. Ирина в роли ученицы будет задавать своему учителю вопросы по роману Алексея Максимовича Горького «Дело Артамоновых». Роман вы все прочли, так что никаких затруднений с ответом ни у кого из вас быть не должно.

Я внимательно наблюдал за профессором, уверенно произносящим слова о том, что все прочли роман: удержится ли она от хотя бы мимолетного косого взгляда в сторону Цветика, Оксаны или Елены. Удержалась. Вот что значит опыт и

мастерство педагога! Поскольку вопросы для Ирины-ученицы готовила именно она, то и вести обсуждение я попросил тоже нашего культуролога.

– Порядок действий таков: я назначаю учителя из числа участников, Ирина задает свой вопрос, учитель должен ответить. Если ответить не может – мы будем принимать ответы других участников, но до тех пор, пока назначенный учителем человек не признает свое поражение, все должны молчать. Никаких выкриков с места, никакого базара быть не должно. Относитесь с пониманием к тому, что наш руководитель, мистер Уайли, не сможет расслышать и понять слова, если вы начнете говорить все разом. Когда разберемся с первым вопросом, я назначу учителем следующего участника, и Ирина задаст следующий вопрос. Всё понятно?

На самом деле вопросов было только два, и я попросил Галину Александровну назначить на первый вопрос учителем Елену, а на второй – Оксану. В обсуждении примут участие все, так что у меня будет возможность оценить менталитет и потенциал каждого, но коль уж мы с Назаром решили, что Елена и Оксана нам вряд ли подходят, мне хотелось убедиться в справедливости наших оценок. А заодно и щелкнуть самоуверенных девиц по носу, предоставив им возможность публично расписаться в собственной недобросовестности. На всякий случай был заготовлен и третий вопрос, для хитрого Цветика.

Тут же взметнулась рука: вопрос появился у Артема.

– Вы сказали, что ответы других участников будут приниматься только после того, как учитель признает свое поражение. Значит ли это, что если учитель ответит на вопрос правильно, то мнения других уже не важны и их не будут слушать?

– Нет, не значит. Мы выслушаем мнения всех. Но первым должен полностью высказаться тот, кто назначен учителем. Еще вопросы?

Галина Александровна медленно обвела взглядом молодежь. Снова поднялась рука.

– Слушаю вас, Марина.

– А какие будут вопросы? На знание текста?

Профессор усмехнулась.

– На знание жизни. Если всем порядок работы понятен – приступаем. Первый учитель – Елена. Встаньте, пожалуйста.

Менеджер по продажам послушно поднялась. Одновременно с ней встала и Ирина, одернула блузку и посмотрела на Елену с выражением испуганной преданности. Ну точь-в-точь школьница, свято уверенная в непогрешимости и правоте своего учителя. На столе перед ней книга, точно такая же, какую раздавали участникам для прочтения, из книги торчат закладки.

– Елена Олеговна, а что такое «птичий грех»? – спрашивает Ирина голосом, исполненным невинной любознательности.

Елена, ни секунды не задумываясь, начинает отвечать уверенно и напористо:

– «Птичий» – значит маленький, несущественный, вполне простительный.

– Значит, это такой маленький грех, который можно простить старым людям? А молодым нельзя? – продолжает «ученица».

– Да, совершенно верно.

Ни колебаний, ни сомнений. Забавно!

– А что можно прощать старым людям такого, чего нельзя простить молодым?

– Например, забывчивость, рассеянность, неаккуратность, – тоном всезнающего наставника произносит Елена.

Для меня, как, впрочем, и для Галины Александровны, уже очевидно, что эта девушка даже первую главу не дочитала с должным усердием. Вероятно, ее настолько пленила фигура Ильи Артамонова-старшего, что все эпизоды, где его нет, были пропущены. По лицам Сергея, Натальи и Артема было заметно, что они прекрасно поняли, о чем идет речь: ребята с трудом сдерживали смех. Все прочие, судя по всему, данный момент упустили.

– А со снохой баловаться? – продолжает спрашивать Ирина, хлопая большими красивыми глазами. – Баловаться означает играть во что-то. Если они просто играют, то почему Горький назвал это грехом? Они что, в карты на деньги играют?

Брови Елены недовольно сдвигаются. Полное непонимание. Учитель молчит. Потом, что-то обдумав, задает строгий вопрос:

– Как тебе не стыдно, Ира! Как такое вообще могло тебе в голову прийти!

Елена улыбается торжествующе, весьма довольная собой: ну как же, вошла в роль, назвала Ирину «Ирой» и на «ты», нашла слова, соответствующие, по ее мнению, типичному поведению школьного учителя.

– Но там же написано!

– Где написано?

– В книге.

Ирина взяла книгу со стола, открыла заложенную страницу.

– Вот, на странице тридцать один, где Петр и Наталья обсуждают своих родителей. «Они, старики, – просты; для них это «птичий грех» – со снохой баловаться». Вы же сами задавали нам этот роман прочитать. Почему мне должно быть стыдно? Вот я и спрашиваю, что такое «птичий грех», и что такое «баловаться со снохой», и почему это для Натальи лучше.

– Лучше? – переспрашивает Елена. – Что лучше?

– Не знаю, я думала – вы объясните. Тут написано: «Это и лучше: к тебе не полезет».

Руки у Елены затряслись, она как-то мгновенно утратила всю свою уверенность. Глаза ее перебегают с Галины Александровны на меня, с меня – на Ирину, потом снова на Галину Александровну.

– Я не понимаю, что здесь происходит, – наконец произносит она, и в голосе ее проступают визгливые нотки.

– Здесь происходит моделирование ситуации, или ролевая игра, называйте, как вам удобнее, – невозмутимо говорит наша дама-профессор. – Урок литературы в десятом классе в средней школе образца тысяча девятьсот семьдесят второго года. Разумеется, современные школьники гораздо более продвинуты и наверняка в курсе, что означает термин «снохачество», они вообще отличаются от своих ровесников сорокалетней давности сексуальной просвещенностью. Впрочем, судя по вашей реакции, ваше поколение тоже не знает такого слова, хотя суть его вас вряд ли шокирует. В семьдесят втором году подавляющее большинство старшеклассников не знало ни слова, ни того, что такая практика существовала и до революции, и после нее. И мы предлагаем вам ответить на вопрос ученицы, заданный при всем классе, на уроке. Вы должны ответить правду, но так, чтобы не подставить ни себя, ни девочку. Прошу вас, отвечайте.

– А в чем я могу себя подставить? – удивляется Елена. – Я не поняла.

– Сейчас увидите. Для начала ответьте ученице, а потом мы разберем последствия вашего ответа.

Елена хватает свой экземпляр романа, открывает на 31-й странице, пробегает глазами по строчкам и заливается краской.

– И что я должна ответить? – Ее голос дрожит.

– Что сочтете нужным. Вы – учитель, перед вами стоит ученик, вокруг еще три десятка школьников, и все вас слушают. Вам решать, что делать.

– А нельзя ничего не делать?

– Нельзя. Заданный на уроке вопрос требует ответа.

– Ну… – Елена переминается с ноги на ногу. – Я тогда скажу ей, чтобы подошла ко мне после урока, я объясню.

– Хорошо. – Галина Александровна кивает. – Это плохой вариант, но имеет право на существование. Урок окончен, девочка подходит к вам. Что происходит дальше?

– Я ей все объясняю.

– Так объясняйте. Мы слушаем.

Елена снова молчит.

– Я… Не готова так сразу… Но я найду какие-то слова, чтобы…

– Чтобы – что?

– Чтобы она все поняла.

– Допустим, – снова кивает профессор. – Знаете, что будет происходить на следующий день?

– Нет, а что будет происходить?

– На следующий день вас вызовет к себе директор школы, будет долго и громко ругать, а потом объявит выговор с занесением в личное дело. Или вынесет вопрос о вашем поведении на партсобрание. Или вообще уволит с волчьим билетом.

– Но за что?! Что я такого сделала?

– Вы допустили нештатную ситуацию. Вы плохо знали предмет, который преподавали, вы не ознакомились тщательнейшим образом с произведением, которое рекомендовали ученикам для изучения, вы не заметили сложных и скользких мест в тексте и не подготовились к ответам на возможные вопросы, вы даже не предвидели возможности таких вопросов. Любые темы, так или иначе соприкасающиеся с сексуальностью, категорически запрещены для обсуждения в советской школе. И если так случится, что вопрос все-таки выплывает, учитель обязан сделать все, чтобы ученики получили ответ и при этом у них не возникало бы ощущения, что речь идет о чем-то запретном или

неприличном. Это высочайшее искусство школьной педагогики, и владеют этим искусством очень немногие. Если педагог ответит неграмотно, неумело, неосторожно, директору тут же донесут, что учитель литературы растлевает несовершеннолетних своими разговорами.

– Но как же… – Елена совершенно растеряна. – Ведь я ничего такого не сказала при всем классе, я велела ученице подойти ко мне после урока. Никто не слышал моих объяснений, кроме нее самой.

– Во-первых, дорогая Елена Олеговна, эта самая ученица придет домой и перескажет маме с папой то, о чем вы с ней беседовали. Думаю, что они очень сильно возмутятся, пойдут к директору или позвонят и потребуют принять к вам меры. Во-вторых, среди тридцати учеников данного класса наверняка найдется тот, кто расскажет либо родителям, либо еще кому-то из учителей, что ученица Ирочка задала вот такой смешной вопрос. Или, как вариант, ученик спросит у родителей, что такое «птичий грех», а то Ирочка спросила у учителя на уроке, а учитель не ответил, велел ей подойти на переменке, а интересно же! Уверяю вас, даже в те времена информация проходила достаточно быстро. Если записанный на уроке ролик оказался бы в телефоне директора уже через пять секунд, то сорок лет назад на это потребовались бы максимум сутки. Максимум! А возможно, все стало бы известно уже в течение часа. Подумайте, Елена Олеговна, может быть, вы предложите нам другой вариант вашей тактики на уроке? Такой, чтобы не рисковать своим профессиональным благополучием.

Лицо Елены просветлело.

– Когда она задаст вопрос, я поверну все так, как будто она сама… Ну, типа, сама дура. Тогда ни у кого не возникнет ощущения, что Ира спросила о чем-то неприличном, о чем нельзя говорить вслух на уроке.

– Сформулируйте, пожалуйста, в виде прямой речи, – потребовала Галина Александровна.

Эта часть получилась у Елены намного лучше, девушка снова обрела напористость и говорила довольно убедительно, если не вслушиваться в слова, а ориентироваться только на интонации. Интонации недвусмысленно свидетельствовали о том, что учитель крайне разгневан тупостью и нерадивостью своей ученицы, которая подавала такие надежды и которую

всегда ставили в пример всему классу, а она оказалась невнимательной, плохо прочитала роман, сделала из него неверные выводы и вообще ничего не поняла, обращая внимание на незначительные мелочи и не видя глобального замысла автора – классика советской литературы.

– И еще я бы сказала, что Ире рано интересоваться такими вопросами, пусть лучше думает об учебе, – закончила свое пламенное выступление менеджер по продажам.

– И что произойдет на следующий день? – поинтересовалась Галина Александровна.

– Ничего…

– Ошибаетесь, товарищ учитель. На следующий день вашу ученицу Ирочку вызовет к себе директор.

– Но за что?! – снова воскликнула Елена. – Ее-то за что?

– За то, что интересуется вопросами, которыми ей интересоваться рано. Она комсомолка, значит, должна быть морально безупречна и не имеет права в свои шестнадцать лет думать о сексе и уж тем более говорить о нем на уроке литературы. Причем не какой-нибудь там зарубежной литературы, созданной на загнивающем Западе, а литературы великой и советской. Персональное дело комсомолки Ирочки будет вынесено на повестку дня ближайшего комсомольского собрания, ее будут «разбирать», всячески стыдить и унижать, после чего, вполне возможно, проголосуют об исключении ее из комсомола. Вы, Елена Олеговна, понимаете, что означает исключение школьника из рядов комсомольской организации?

– Нет…

Профессор сделала паузу, обводя глазами молодых участников.

– А кто-нибудь из вас это представляет? Вы вообще в курсе, кто такие комсомольцы и что такое «комсомольское собрание»?

Молчание было ей ответом. Потом послышался неуверенный тихий голосок Натальи:

– У Галича песня была… Про это?

Галина Александровна посмотрела на Назара, тот согласно кивнул.

– «Ой, да что ж тут говорить, что ж тут спрашивать…» – да, приблизительно про это, только там партсобрание, на котором разбирают моральный облик мужа, изменившего жене, но сути не меняет. Можно считать, что одно и то же, по форме и по содержанию все одинаково было.

– Спасибо, Назар Захарович. – Профессор плавно и величественно повернула голову и снова уставилась на молодежь. – Выходит, никто, кроме Натальи, даже приблизительно не представляет себе, о чем идет речь? Тогда кратко объясню. Ирина, вы можете сесть, а вы, Елена Олеговна, постойте пока, мы с вами еще не закончили. Членство в комсомольской организации является обязательным для поступления в высшее учебное заведение, по крайней мере, в столице страны. Если ты не комсомолец и никогда им не был, у тебя есть шанс поступить в институт, если ты гений или у тебя родители на очень высоких должностях. На самых высоких, – выразительно подчеркнула она. – Но если ты был комсомольцем и тебя исключили, проще говоря – выгнали за неподобающее советскому комсомольцу поведение, то ты не поступишь никогда и никуда. Вот теперь, дорогая Елена Олеговна, подумайте как следует, какая судьба ждет вашу ученицу Ирочку, если вы поступите так, как собирались. Вы сломаете жизнь девочке, и только лишь потому, что оказались не готовы к ее вопросу. Может быть, вы найдете какой-то другой выход из ситуации, более приемлемый?

Елена снова подумала и удрученно призналась:

– Тогда я не знаю… Не знаю, что делать.

– Прекрасно. – Галина Александровна хлопнула в ладоши. – Учитель признал свое поражение, теперь мы выслушаем соображения других участников о том, как выйти из предложенной ситуации с наименьшими потерями. Кто хочет высказаться?

Несколько человек попытались заговорить одновременно, и профессор недовольно поморщилась, подняв руку в запрещающем жесте.

– Я предупреждала: никакого базара. По очереди. Поднимайте руки.

Марина оказалась первой, кто взмахнул ладонью.

– Если бы я оказалась на месте учителя, я бы постаралась перевести разговор вообще на другое, – торопливо заговорила она, словно опасаясь, что ее перебьют и не дадут изложить мысль. – Сказала бы, что роман написан очень давно и события в нем – столетней давности, в те времена люди жили совсем по-другому, у них были другие обычаи и порядки, которые нам уже непонятны, и словами они пользовались такими, каких мы никогда не слышали. Ну, то есть я бы сказала, что «птичий грех» – устаревшее выражение, и никто сегодня уже не знает в точности, что оно обозначает, но в романе в принципе много такого, и тут же привела бы пример со свадьбой, всякими гуляньями, песенками и частушками. Или про ярмарку – тоже там много такого, чего в наше время уже нет и объяснить, почему оно было так, а не по-другому, уже никто не может.

Кажется, эта девушка с ядовито-малиновой прядью в каштановых волосах была очень довольна собой. А вот Галина Александровна довольной не выглядела.

– Принимаю ваш ответ, – сказала она. – Каковы последствия?

– Так в том-то и дело, что при таком ответе никаких последствий не будет!

– Вы уверены?

– Конечно!

– Рассказываю. – Профессор скупо улыбнулась. – Могут иметь место два варианта. Поскольку вы на конкретный вопрос о конкретном выражении не ответили, ученик – любой из класса, не обязательно тот, кто задал вопрос, а вообще любой – может этим не удовлетвориться и продолжать интересоваться. У родителей, у других учителей, да у кого угодно. Обычно если собеседник подростка является старшим, то он, прежде чем отвечать на неудобные вопросы, спрашивает: а где ты услышал это слово? Ребенок скажет, что

прочитал в книге, которую задал учитель литературы. Ответа ребенок может в этом случае и не получить, а вот учитель литературы свое наказание получит непременно, в этом можете не сомневаться.

Марина смотрела на культуролога с туповатым недоверием.

– Второй вариант, – невозмутимо продолжала та. – Подросток придет домой и скажет родителям, что учителя в школе сами ничего не знают и на вопросы ответить не могут. И поведает о том, что и как произошло на уроке литературы. Да, ребенок сделал вывод из слов учителя, что в книге много такого, что давно устарело и потеряло актуальность, поэтому интересоваться этим смысла нет, и с этой точки зрения решение, предложенное Мариной, безусловно, конструктивно и целесообразно. Но ребенок составил представление о том, что учитель знает далеко не все даже в рамках преподаваемой дисциплины, и учитель в его глазах мгновенно утратил авторитет, что в принципе недопустимо. Более того, это свое представление подросток принес домой и поделился им с родителями, которые вполне могут возмутиться некомпетентностью педагога и пойти жаловаться к директору. О том, что произойдет дальше, я уже рассказывала, повторяться не стану. Так что, увы, Марина, ваше предложение оптимальным не является. Пожалуйста, Артем, слушаем вас.

– Правильно ли я понимаю, что вы предложили нам патовую ситуацию?

Нет, мне решительно нравился этот молодой человек, который всегда стремится правильно понять суть, все уточнить и только потом высказывает свое мнение!

– Иными словами, – продолжал он, – либо пострадает учитель, либо ученик. Так?

– Так, если никто не придумает, как спасти положение. Пока что из всех высказанных предложений вытекает необходимость кем-то из них пожертвовать.

– Спасибо. Я подумаю.

– Конечно. Кто следующий? Прошу, Евдокия.

Немногословная Евдокия, в которой мой друг Назар был полностью уверен, заговорила, не поднимая глаз от поверхности стола:

– Прежде чем изобретать решение, учитель должен расставить приоритеты. Если жертва неизбежна, учитель должен сам для себя ответить на вопрос, что для него важнее: спасти собственную трудовую биографию любой ценой, пусть даже для этого придется загубить жизнь подростка, или спасти ученика, пожертвовав своей репутацией. С одной стороны, у учителя могут быть маленькие дети или нетрудоспособные больные родители и рисковать работой он не может. С другой стороны, подставить ни в чем не повинного ученика означало бы утратить самоуважение к себе как к личности и как к педагогу, расписаться в профессиональной несостоятельности. Выбор решения зависит от того, что? для данного учителя является приоритетным.

– Замечу, что работой как таковой учитель не рискует, – возразила Галина Александровна. – Безработицы в советское время не было. Да, из школы такого учителя могли бы выгнать, это правда. И, вполне возможно, с такой характеристикой, что ни в какую другую школу его уже не возьмут. Но он – специалист с высшим образованием, закончил педагогический институт, и его могут взять, например, учителем в специнтернат, расположенный далеко от столицы и вообще от любого крупного города, или в колонию для несовершеннолетних, поскольку в таких колониях обязательно есть общеобразовательные школы. Без работы он не останется, вопрос только в том, где, как далеко от своего родного города и на какой должности он будет работать, кому будет преподавать. Извините, что перебила вас, Евдокия, продолжайте, пожалуйста.

– Ну, в общем, я все сказала. Если нужно ответить, как поступила бы я, то я после урока сама пошла бы к директору, все рассказала, написала бы заявление об уходе и начала бы искать работу… Такую, как вы сказали: далеко и в непрестижном месте, где имеется кадровый голод.

– А ученику на уроке что ответили бы?

– Правду. Как есть – так и объяснила бы. Ученик пострадать не должен, я сама виновата, что просмотрела этот момент, упустила, недодумала, так что если я чем-то пожертвую – это будет только справедливо.

Взметнулась рука Сергея.

– Не понимаю, почему обязательно нужно жертвовать? – сердито заговорил он. – Можно просто не участвовать в этом балагане. Ничего директору не говорить, но, как и сказала Евдокия, сразу после урока пойти и написать заявление об уходе. Если родители учеников о чем-то узнают и стуканут, то меня там уже не будет, наказывать некого.

Галина Александровна снова улыбнулась, на этот раз не так скупо, даже весело.

– А трудовое законодательство? Вы после подачи заявления об уходе обязаны отработать как минимум две недели, чтобы вам успели найти замену. Но это так, для других. А для вас лично, поскольку вы учитель, правила иные: до окончания учебного года вас никто никуда не отпустит. Замечу к слову, что Горького в школах проходили в первом полугодии, приблизительно в сентябре-октябре, так что ваше увольнение откладывается до июня, это самое раннее. А до июня, уверяю вас, может много чего произойти.

– Хорошо, а если я просто напишу заявление и уйду? Не буду отрабатывать эти две недели, а сразу начну искать новую работу, что случится?

– Вы не сможете найти никакую работу, потому что у вас на руках не будет трудовой книжки. С вами просто никто не станет разговаривать.

– А я скажу, что потерял трудовую.

– Тогда вас попросят принести справку с предыдущего места работы. И заодно спросят, почему вы не сообщили об утрате книжки в отдел кадров там, где вы работали, и не написали заявление с просьбой восстановить документ.

– Да ладно, я придумаю что-нибудь, не сомневайтесь!

– Допустим, вы придумали, и допустим, вам поверили. Я даже готова допустить, что вы произвели на руководителя и на кадровика хорошее впечатление и они захотели взять вас на работу. Они спросят, почему вы ушли из школы посреди учебного года. И вам придется что-то объяснять, причем причина должна быть уважительной. Учитель, бросающий своих учеников в разгар учебного процесса,

не пользуется уважением и доверием. Кроме того, вы должны будете принести характеристику, составленную и подписанную директором той самой школы, из которой вы так постыдно и поспешно сбежали. Можете себе представить, что будет в ней написано, если поступить так, как вы предлагаете? Поверьте мне, Сергей: с такой характеристикой вас не возьмут ни в одно учреждение, связанное с педагогикой и воспитательным процессом.

Юноша помолчал, пожевал губами, рассматривая кисти рук.

– А если искать работу, не связанную с педагогикой?

– Например? – осведомилась профессор.

– Ну, я не знаю… Грузчиком, например, или дворником… Или менеджером в какую-нибудь компанию.

– Менеджеров не было, компаний тоже. Грузчиком или дворником – пожалуйста, но труд тяжелый, окружение сильно пьющее, зарплата маленькая. Вас это устроит?

Пожалуй, мне кое-то становится понятно в этом мальчике… Заявил, что он грузчик, хотя образование явно хорошее, речь тоже неплохая. Решение, которое он предлагает, заставляет думать, что он работал на приличной и высокооплачиваемой позиции, но в силу каких-то обстоятельств вынужден был уволиться и стать грузчиком. Наверное, именно так он и увольнялся: положил на стол заявление, не дожидаясь, когда поиски новой работы принесут результат, то есть ушел в никуда. Резкий парнишка, имеет обыкновение уходить сразу, хлопнув дверью, не размышляя и не пытаясь найти более мягкий и оптимальный вариант решения проблемы.

– Не устроит… Тогда я просто сменю профессию.

– Как именно? У вас диплом учителя литературы, вам не позволят преподавать другой предмет.

– А я вообще не буду преподавать, я найду что-то по другой специальности.

– Для работы по другой специальности нужен другой диплом.

– Я его получу.

Уверенности в своих силах Сергею не занимать, он молодец! И крутых перемен в жизни, кажется, не боится. Славный парень! И очень неглупый.

– Как вы его получите?

– Поступлю в институт, как все.

– То есть будете учиться и работать?

– Нет, работать не буду, зачем? У меня достаточно денег, я накопил, пока работал в школе, буду просто учиться.

– Невозможно. – Галина Александровна покачала головой. – Получить образование бесплатно на очном отделении можно было только один раз, и вы его уже получили. Второе и все последующие образования должны получаться либо на вечернем отделении, либо заочно. Даже если первое образование вы получали, будучи вечерником или заочником, второе образование на дневном отделении вам не положено.

– Но я же не бесплатное образование хочу получить! Я поступлю на коммерческое отделение, заплачу деньги и буду учиться где хочу, хоть на дневном, хоть на каком!

– Не заплатите и учиться не будете, – хладнокровно отпарировала профессор.

– Это почему?

– Потому что коммерческого образования нет. Есть только государственное, бесплатное, и для его получения установлены жесткие правила.

– А как же тогда?.. Ну ладно, тогда пойду работать и буду учиться на вечернем.

– Где собрались работать? На какой должности?

– Не знаю…

– Грузчиком или дворником?

– А почему нет? Нормальная работа, не хуже других, – огрызнулся Сергей. – Можно на завод, слесарем.

– Вы не умеете. Чтобы работать слесарем, нужно как минимум закончить профтехучилище. На завод можно, конечно, но только разнорабочим. И все то же самое: тяжелый физический труд, пьющее окружение, маленькая зарплата. А у вас семья, дети, их нужно содержать и кормить. Так что вряд ли вы согласитесь на совсем уж любую работу. Так как, Сергей? Вы все еще намерены швырнуть на стол директора школы заявление об уходе?

– Не знаю… Я не вижу выхода, – признался он.

– Хорошо. Кто следующий?

Следующим оказался бородатый хипстер Тимур, который, кажется, не склонен был видеть трудности и проблемы ни в чем.

– Если б меня поперли из школы, я бы не работал, да и всё, – беззаботно заявил он. – Я и сейчас не работаю. Жил бы на деньги предков и не парился.

– А откуда у ваших родителей деньги? – поинтересовалась Галина Александровна.

– Оттуда же, откуда и сейчас. У них бизнес, денег полно.

– А бизнеса нет. Есть только государственная служба. И доходы на ней не такие огромные, как в бизнесе. То есть существовать на родительские деньги вам пришлось бы более чем скромно. С голоду не умерли бы, конечно, но никаких излишеств. Я видела, вы приехали сюда с фотоаппаратом «ЛОМО», так вот фотоаппарата такого у вас совершенно точно не было бы.

– Да? Ч-черт, неожиданно… Тогда…

– Погодите, Тимур, это еще не всё. Вы главного не знаете: вам никто не позволил бы жить, нигде не работая. Работать вы обязаны, если не достигли пенсионного возраста и не являетесь инвалидом.

– Что значит – обязан? – опешил мальчишка. – А если я не хочу?

– Никого не интересует, чего вы хотите или не хотите. Есть закон.

– А что будет, если я не буду работать? Вот не хочу – и не буду.

– Вас посадят.

– Что?! Как это?

– Очень просто. Осудят по статье Уголовного кодекса за тунеядство и отправят в исправительно-трудовую колонию.

На лице Тимура было написано такое изумление, словно в комнату только что влетели инопланетяне на летающей тарелке.

– Вы что, серьезно?

– Серьезнее не бывает.

– Да ладно! – Он недоверчиво прищурился. – Быть этого не может!

– Может. И действительно было. Когда вернетесь домой и доберетесь до интернета, найдите Уголовный кодекс РСФСР и почитайте статью двести девять. А заодно и Трудовым кодексом поинтересуйтесь, там четко прописано, в течение какого времени человек имеет право нигде не трудиться, пока ищет другую работу. Всего один месяц, не больше. Если перерыв окажется хоть на один день длиннее, чем указано в законе, прерывается трудовой стаж.

– И чего тогда?

– От стажа зависит размер пенсии. Стаж прервался – пенсия будет существенно меньше. Так что лоботрясничать и делать вид, что ищете работу, можно было совсем недолго, имейте это в виду.

– Да-а, фигово, – протянул Тимур. – Тогда ничего не поделаешь, придется ученика сдать, пусть отдувается, а я останусь работать в школе.

– Больше ничего не предложите?

– Да что тут предлагать… Тупик прямо какой-то… Выхода нет.

– Спасибо.

Оксана и Цветик сидели притаившись, как мышки. Роман они не читали, поэтому боялись попасть впросак со своими предложениями. Да и вряд ли они были, предложения эти. Наташа тоже вела себя тихо, руку не тянула, поделиться соображениями не стремилась, хотя по ее лицу я видел ясно, что какое-то решение у нее есть. Любопытно, какое?

Галина Александровна предоставила возможность высказаться Артему, который первым задал вопрос и все остальное время сосредоточенно что-то обдумывал.

– Я не сторонник принесения в жертву ни учителя, ни ученика, – неторопливо заговорил Артем. – Если бы я оказался на месте этого учителя, то постарался бы дать такое объяснение понятию «птичий грех», которое не выходило бы из рамок цензуры и при этом вписывалось бы в контекст. Например, сказал бы, что в те времена в семьях, впрочем, как и сейчас, сноха, то есть жена сына, всегда подвергалась гонениям, критике, а иногда и издевательствам. В подтверждение напомнил бы о распространенности анекдотов об отношениях свекрови и снохи, а также зятя и тещи. «Птичий грех» есть не что иное, как дурное и жестокое обращение родителей сына с его женой. В описанной Горьким ситуации говорится именно о том, что любовные отношения между Ильей Артамоновым и Ульяной Баймаковой сделают Илью мягче, добрее, он будет больше внимания уделять Ульяне, своей любимой женщине, и не станет терзать дочь Ульяны, Наталью, свою сноху, не станет лезть к ней с критикой, замечаниями и поучениями. Такая трактовка вполне допустима исходя из контекста. А то, что она не вполне правдива, пусть останется на совести учителя. В конце концов, это лучше, чем поставить под угрозу благополучие и собственной семьи, и себя

самого, и ни в чем не виноватого ученика.

Очень разумно! И достаточно изящно, как мне кажется. Особенно понравились мне соображения Артема о необходимости «вписаться в контекст романа». Положительно, у этого парня отличные мозги.

– Наташа у нас молчит, – мягко произнесла Галина Александровна. – Вам нечего сказать? У вас нет никаких идей?

– Есть, но… Ладно, я скажу. В общем, я согласна с Сергеем и с Евдокией, я бы тоже поступила, как они. Сразу после урока пошла бы и уволилась. Директору сказала бы, что ученица не виновата, что я сама совершила ошибку. Только дальше я бы не стала делать так, как предлагают Евдокия и Сергей, не пыталась бы найти работу по специальности, а завербовалась бы в какую-нибудь экспедицию и уехала в тайгу.

Ничего себе! Современная девочка, с рождения окруженная интернетом и девайсами, собралась в тайгу, где ничего этого нет?

– Чтобы работать в экспедиции, нужно иметь образование, быть, например, археологом, геологом, нефтяником, – заметила наш профессор.

– Ничего, люди без образования там тоже нужны.

– Нужны мужчины, физически сильные рабочие, если без образования.

– Повара тоже нужны. Я готовить умею.

– Хорошо, я приму ваш ответ как вариант выхода из ситуации, – кивнула Галина Александровна. – Но что будет, когда вы вернетесь из экспедиции?

– Завербуюсь еще в одну.

– И так до самого конца?

– Да. Я хочу жить в тайге, где только природа, деревья, цветы, звери… А людей и всей этой глупости с инстаграмом там нет. Там по вечерам разжигают костер,

сидят вокруг него и разговаривают о… В общем, не о том, о чем в интернете.

Ну, все понятно. Девочка, как и предполагал мой прозорливый друг Назар, хочет найти тот мир, который живет по законам романтических самодеятельных песен шестидесятых – семидесятых годов. Замечательная девочка!

– Есть еще желающие высказаться? – Галина Александровна наконец дала себе волю и уставилась черными немигающими глазами в упор на сидящих рядышком Алексея-Цветика и Оксану. Парочка как-то сжалась и постаралась стать как можно более незаметной. – Если больше ни у кого соображений и решений нет, переходим к следующему вопросу. Вопрос задаст Ирина, а вот учителем на этот раз будет…

Профессор откровенно развлекалась, переводя взгляд с Цветика на Оксану. Больше ни на кого она не смотрела. Молодые люди в торце стола замерли.

– Учителем будет… Алексей. Прошу вас.

Вообще-то мы планировали Оксану, но я вспомнил сам вопрос, который сейчас задаст Ирина в роли ученицы, и подумал, что выбор культуролога, пожалуй, более удачен, чем наш первоначальный. Пусть мальчик отвечает, вопрос-то чисто мужской, к девочке даже трудно будет предъявить претензии, если она не сможет внятно объяснить трудное место.

Цветик поднялся, храбро улыбнулся и сделал вид, что ему все нипочем и он готов к любым испытаниям. Ирина тоже встала, снова одернула блузку и сделала бровки домиком.

– Алексей Валерьевич, а за что Петр Артамонов убил ребенка?

На дальнем от Алексея конце стола грохнул дружный хохот. Сергей протянул руку Артему, хлопнул по его ладони.

– В чем дело? – недовольно спросила Галина Александровна.

– Извините, – проговорил Артем, широко улыбаясь, – мы приносим свои извинения, господа, мы больше так не будем.

– И все-таки, что случилось? Что вас так насмешило?

– Да я Сергею предложил угадать, о чем будет второй вопрос, и он назвал именно этот, а я не угадал, я думал, вопрос будет другим. Еще раз извините, мы не сдержались.

Я с трудом подавил удовлетворенную улыбку. Да, Артем и Сергей – просто находка для моего замысла. Оба соображают быстро, но мыслят в разных направлениях. Именно то, что нужно.

– Извинения принимаются, но постарайтесь в дальнейшем не нарушать порядок. Итак, Алексей, вопрос задан, мы ждем ваш ответ.

– Я… Я не помню точно, что там произошло, – пробормотал Цветик. – Вы дали слишком мало времени, я читал быстро, чтобы успеть. Наверное, не заметил. Или забыл. Но вы сами виноваты, дали всего один день. Если бы два-три дня, то я бы не торопился и читал более внимательно.

– Вы не поняли, Алексей, – со всей возможной мягкостью проговорила Галина Александровна. – Вы не на экзамене, и отвечаете вы не преподавателям, которые должны проверить уровень ваших знаний. Вы отвечаете ученику на уроке. Вы – учитель и должны априори знать ответы на все вопросы в рамках вашего предмета. Ответ «я не помню» недопустим. Ищите другие варианты.

– У меня нет вариантов, – буркнул веб-дизайнер. – Я не помню. Считайте, что я сдался.

– Вот так и сдались, даже без попытки боя?

– А чего тут пытаться… Ясно же, что уровень я не прошел.

– И что теперь?

– Надо перезагрузиться и снова войти в игру.

– Хорошо. – Галина Александровна демонстрировала чудеса сговорчивости. – Даю вам такую возможность. Ирина, будьте любезны, переформулируйте вопрос.

Актриса заглянула в лежащий поверх книги листок.

– Алексей Валерьевич, я не поняла, за что Петр Артамонов убил подростка. В книге написано, что за детский грех, но я не знаю, что это такое.

Бедные Артем и Сергей! Они буквально корчились от хохота, напрягаясь изо всех сил, чтобы не издать ни звука. Теперь к ним присоединился и Тимур, которому тоже стало весело. Девушки реагировали по-разному, и сразу можно было определить, кто из них внимательно читал роман, а кто не читал вовсе. Наталья, Евдокия и Марина сидели, опустив глаза, Елена и Оксана недоуменно переглядывались.

Услышав о «детском грехе», Цветик вздохнул с облегчением, ему показалось, вероятно, что найти приемлемый ответ нетрудно. Вон с «птичьим грехом» как ловко разобрались! И он сумеет не хуже.

– Детский грех – это шалость, которую можно простить ребенку. Ребенок же маленький, он еще не понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Ребенок может, например, взять чужую вещь, у взрослых это называется кражей, а ребенка мы же не посадим в тюрьму за это, мы его накажем и объясним, что брать чужое нельзя.

– Но в книге ничего не написано про то, что мальчик взял что-то чужое, – упорствовала настырная ученица Ирочка. – Там такого нет.

– Я просто привожу пример того, что называется «детским грехом», – продолжал разглагольствовать Цветик. – Маленькие дети часто говорят неправду, нарушают запреты и вообще делают много такого, что для взрослого человека непростительно или считается грехом. Но детям мы все это прощаем. Вот за такой проступок Артамонов и убил мальчика.

Ему казалось, что он отлично выкрутился, во всяком случае, вид у Цветика был весьма самодовольный.

– Неужели за это можно убить? – На выразительном лице нашей актрисы смешались недоверие и ужас.

– В те времена – да, такое случалось.

– Но я все равно не поняла, Алексей Валерьевич, какой проступок можно было совершить в сарае? Ведь Артамонов застал мальчика в сарае, и написано, что мальчик занимался там детским грехом. Вот я и думаю, чем таким он мог заниматься? Может, лобзиком выпиливал?

– Или крестиком вышивал, – вставила Марина ехидным голоском.

– Тишина! – прикрикнула профессор.

Лицо Алексея медленно багровело: до него начало доходить, о чем шла речь в романе Горького. И что делать с таким вопросом, еще более, пожалуй, скользким, чем вопрос о сексе между свекром и снохой, юноша сообразить не мог.

– Я сдаюсь, – выдавил он, наконец. – Ничего не могу придумать.

– Прекрасно. Вы можете сесть. Следующий учитель – Марина. Прошу.

Второй вопрос занял намного меньше времени, ибо не пришлось заново объяснять условия задачи и советские правила игры и рассказывать про комсомольское собрание и карьерные перспективы. Кроме того, все участники в основном поняли, ответы какого рода не принимаются, и решение, предложенное Евдокией, показалось всем, в том числе и мне самому, наиболее приемлемым.

– Ничего нельзя пускать на самотек, – заявила девушка, когда настала ее очередь играть роль учителя. – Прежде чем приступать к изучению какого-то произведения, учитель должен внимательнейшим образом его проработать, и если в нем есть такие места, которые могут вызвать неудобные вопросы, нужно заранее получить инструкцию о том, что в таких случаях делать, как отвечать на вопрос.

– Как вы думаете, кто мог бы дать учителю литературы подобную инструкцию?

– Не знаю… Наверное, директор школы. А кто еще?

– Директор может быть учителем физики или биологии по образованию, он не обязан разбираться в литературе. Но мыслите вы конструктивно. Для тех, кто не знает, скажу, что существовала организация под названием Управление народного образования, это на уровне города или области, ей подчинялись Отделы народного образования, они были в каждом районе. И в этих организациях существовали инспекторы, можно было обратиться к ним, но ответа они наверняка не знали, зато могли переадресовать вопрос учителя в республиканское Министерство просвещения, которое разрабатывало и утверждало школьные программы по всем предметам. Либо министерские чиновники спохватятся и исключат неудобное произведение из списка обязательных для изучения, либо дадут рекомендации, как отвечать на вопросы. Тогда учитель будет во всеоружии и не попадет в положение, при котором придется жертвовать либо своей карьерой, либо будущим ученика.

Все согласно загудели и заулыбались. Евдокия не была последней, пока еще не высказались Сергей и Елена, но оба сразу заявили, что ничего лучше придумать все равно не смогут.

– Два паса – в прикупе чудеса, – пробормотал тихонько Назар.

– Что? – переспросил я.

– Не обращай внимания, поговорка такая есть у преферансистов.

Взметнулась рука Сергея. Неужели он все-таки придумал вариант получше?

– Хочу спросить: а в советское время Достоевского в школе проходили?

– Проходили, – кивнула Галина Александровна.

– Какие произведения?

– «Преступление и наказание» являлось обязательным для прочтения и изучения, обо всех остальных произведениях учитель и учебник рассказывали в краткой форме.

– А «Бесы»?

– «Бесы» обязательной литературой не являлись.

– Тогда я не понимаю: если решение, которое предложила Евдокия, действительно оптимальное, то почему им никто не воспользовался? Ну ладно, допустим, «Бесов» не проходили и про педофилию Николая Ставрогина дети не прочитали. Но ведь по Свидригайлову ученики могли задать точно такие же вопросы. Неужели учителя не боялись? Почему ваше министерство разрешило подросткам изучать «Преступление и наказание»? Или у учителей были на этот счет какие-то правильные инструкции?

Пресвятая Дева! Выходит, среди девятерых молодых людей нашелся все-таки один, который хотя бы приблизительно помнил школьную программу. Это огромная удача, ведь Галина Александровна предупреждала, что, скорее всего, не найдется ни одного.

Культуролог вздохнула.

– Поскольку я не нахожусь в данный момент на позиции учителя в ролевой игре, то скажу вам честно и прямо: у меня нет ответа. Я не знаю. И никогда не пыталась это выяснить. Но поскольку сама жила в то время и хорошо его помню, рискну предположить, что инструкция вполне могла быть. Какая-нибудь секретная, с грифом ограниченного распространения. Но точно так же вероятно, что никакой инструкции не было. Существовало убеждение, что советские дети чисты и невинны по определению, а у комсомольца в шестнадцать лет не могло возникнуть никаких грязных мыслей, тем более о таком отвратительном и позорном явлении, как педофилия.

– Да ладно, – недоверчиво протянул Цветик. – Быть такого не может! Все дети уже лет в десять порнуху смотрят тайком от родителей, в интернете полно сайтов, смотри – не хочу. А в шестнадцать все уже вообще полностью в курсе обо всем и имеют собственный богатый опыт.

– Напоминаю, – сердито отозвалась Галина Александровна, видимо, раздосадованная невнимательностью веб-дизайнера, – интернета не было. И порнофильмов не было тоже. Они существовали где угодно, только не в советском пространстве. Алексей, я была бы вам признательна, если бы вы все-таки слушали объяснения, которые здесь даются, и не вынуждали меня тратить время на повторение.

Я кратко подвел итог и объявил перерыв на обед.

– А после обеда что будет? – спросили разом несколько человек.

– Увидите.

– Опять будем в школу играть? – презрительно усмехнулась Елена.

– Будем проверять креативность вашего мышления, – ответила профессор. – Ждем вас в четырнадцать часов, прошу не опаздывать.

* * *

За обедом к Наташе и Маринке подсел Артем, следом за ним подтянулся Сергей.

– Девчонки, а что вы вообще помните про Горького? – спросил Артем. – Я, например, помню только роман «На дне», больше мы ничего не проходили.

– Это пьеса, – тихо поправила его Наташа, стараясь не издавать неподобающих звуков при поедании супа. Маринка всегда ругала ее за то, что девушка громко прихлебывала. Ну а как еще втянуть в себя жидкую еду с ложки? Наташа очень старалась научиться вести себя за столом прилично, но пока ничего не получалось.

– Да? – удивился Артем. – Надо же… Ну ладно, пусть будет пьеса. Я уже все забыл, помню только, что там есть Лука, а мы должны были писать сочинение о том, прав ли он и нужно ли обманывать человека, чтобы облегчить его страдания. А вы что помните?

– Я помню, что еще была какая-то «Старуха Изергиль», мне название понравилось, а что там и почему – забыла сразу же, как только ЕГЭ сдала, – отозвалась Маринка.

– Я вообще ничего не помню, – признался Сергей. – В голове осталось только, что в честь Горького переименовали Нижний Новгород, потому что он там родился. А ты, Наташа, что скажешь?

Наташа отодвинула тарелку с недоеденным супом, хотя рассольник очень любила: не хотелось рисковать и выглядеть невоспитанной. Лучше уж котлеты с серым водянистым картофельным пюре, это блюдо безопасное, хлюпать нечем.

– Я помню все, что в школе проходили. То есть я хочу сказать, что помню названия и примерно про что. Но ничего больше не читала, кроме того, что по программе.

– Понравилось? – с живым интересом спросил Артем.

Она покачала головой:

– Нет, если честно. Скучно очень.

– Да что там может понравиться-то? – воскликнула Маринка, двумя пальцами вытаскивая изо рта рыбью косточку и пристраивая ее на край тарелки.

«Хорошо, что я взяла котлеты, а не рыбу, – мелькнуло в голове у Наташи. – Попалась бы мне кость, и Маринка стала бы прилюдно делать замечания и отчитывать. И перед парнями неудобно. Артем этот странный какой-то, непонятный, а вот Сережа такой симпатичный…»

– Муть и отстой, – продолжала Маринка. – Вообще непонятно про что. Хорошо бы узнать, в чем тут замутка. Вам никто не говорил?

– Мне – не говорили, – ответил Сергей.

– Мне тоже не сказали, – подхватил Артем. – А насчет того, что будет после обеда, тоже никто не в курсе?

Никто из них ничего не знал. Какое-то время все четверо пытались строить предположения о содержании следующего этапа испытания, потом Маринка перехватила инициативу и начала выпытывать у молодых людей, что им известно о руководителе проекта, Ричарде Уайли. Почти сразу выяснилось, что девушки знают несколько больше, они хотя бы поискали информацию в интернете и прочитали интервью, а парни личностью организатора не озаботились, когда еще была такая возможность. О том, сколько человек

планируется отсеять, а сколько оставить и пригласить на основное мероприятие, сведений тоже не было.

– Непонятки кругом, – констатировал Сергей. – Никто ничего не объясняет и не рассказывает. Как-то подозрительно это.

– Да брось, – Артем допил компот светло-желтого цвета, потряс стакан, чтобы в рот скатились две одинокие изюминки, – завтра все узнаем. Ничего подозрительного я не вижу, нормальные разговоры, ролевые игры. Наоборот, очень интересно узнать про то время. А тебе самому неужели не интересно?

– Не-а, – мотнул головой Сергей.

– Зачем же ты приехал? Зачем заявку подавал?

– Мне перекантоваться нужно где-то.

– А-а, понял, личные проблемы. А вам, девчонки, интересно?

– Очень! – дружно ответили девушки.

Сергей отодвинул стул, поднялся, взял со стола пластмассовый поднос с тарелками, из которых ел. Следом за ним то же самое сделал и Артем.

– Приятного аппетита, а мы пойдем на лестницу покурим. До встречи!

Девушки проводили их глазами.

– Приятные мальчики, – осторожно заметила Наташа.

Маринка поморщилась.

– Ой, да перестань! Сопляки совсем. И наверняка нищие. Никакого толку от них. Если хочешь мой совет – обрати внимание либо на переводчика, либо на психолога. Переводчик, конечно, жиртрест, но зато наверняка окажется легкой добычей, у таких всегда проблемы с женщинами, никто на толстых не западает.

А психолог вообще красавчик, с ним будет потруднее, у него сто пудов баб навалом. Но они хотя бы из Москвы.

– Почему ты думаешь, что из Москвы?

– А я у Галины спросила. Она сказала, что сама она из Петербурга, а все остальные – столичные. Наташ, я серьезно тебе говорю, займись кем-нибудь из этих двоих, они как раз в таком возрасте, когда молодого мяса хочется. Уедешь в Москву, а там уж как-нибудь пристроишься. Главное – начать. А ты сидишь, как ступа, и ухом не ведешь! Ленка эта – вот сто пудов! – уже кого-то себе наметила, она вообще активная, сама видишь.

– Мне Сергей понравился, – робко произнесла Наташа.

– И думать забудь! Нищеброд, – вынесла подруга свой категорический вердикт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/gor-kiy-kvest-tom-2

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити